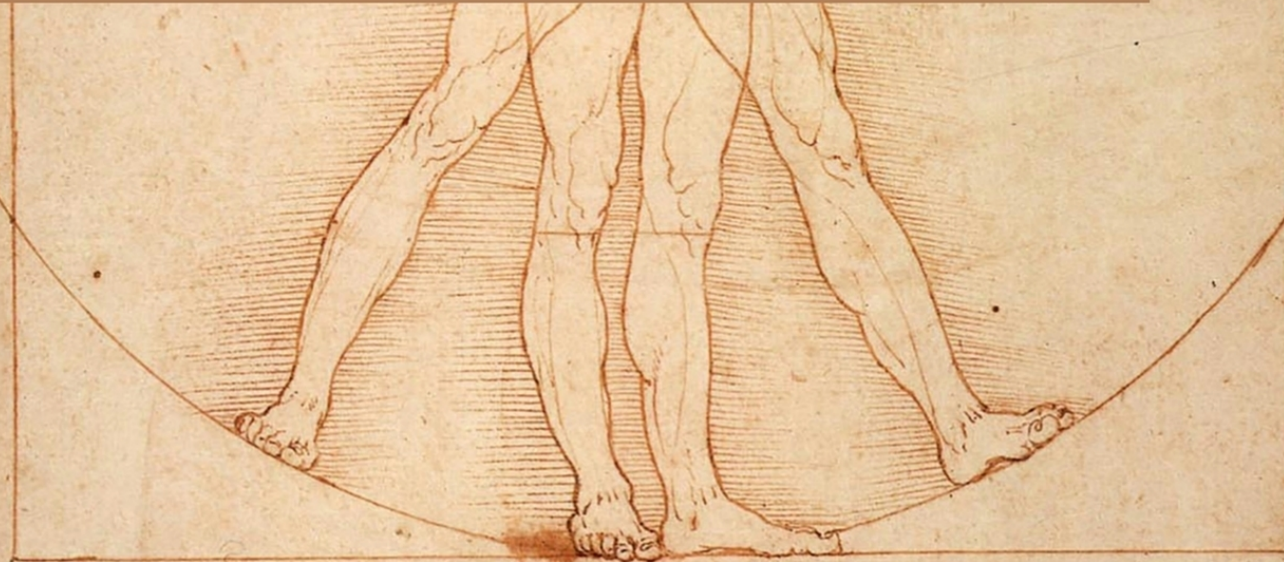

Handwritten text in a cursive script, likely a manuscript or a page from a book, located at the top of the page.

И. Сотников.

Философский детектив

Handwritten text in a cursive script, likely a manuscript or a page from a book, located below the drawing.

Handwritten text in a cursive script, likely a manuscript or a page from a book, located at the bottom of the page.

Игорь Сотников
Философский детектив

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Сотников И.

Философский детектив / И. Сотников — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Действия книги происходит во времена становления громкого имени Эллады. Во время празднования Дионисий произошло преступление, за его расследования берутся не последние умы Афин. И как оно будет расследовано склонными к философии умами, представляет не меньший интерес.

Глава 1

Где-то в 404 году до твоей эры

– Знаете ли вы, о чем я сейчас хочу вас спросить? – у входа в амфитеатр преградил дорогу очередной группе желающих стать зрителями, один их самых известных своей вредностью и занудством софист Зенон, который в своё свободное время, которого, к сожалению, у него было вполне достаточно, подрабатывал здесь билетером.

– Нет, – даже если бы знала, всё равно так ответила бы Антиоха, на полном серьёзе культивирующая девственную чистоту.

– Неужели, вы не знаете, что лгать нехорошо? – как всегда борзее этот прозванный китайцем Зенон, чья повернутость шеи, таким же образом, рулит им и его мыслями.

– Конечно, знаю, – совершенно не понимая, что за наезд, ища поддержки у своих друзей, Антиоха, смотря на Елену и на этих, как дело дошло до билечивания, ставших совсем не героями Парадокса и его кореша эфеба Гения, которые явно не блещут талантами, а имеют лишь шиш за душой.

Правда, насчёт Гения, в виду его недавнего прибытия из дальнего пограничного гарнизона, в котором он, как военнообязанный гражданин, нёс свою двухгодичную службу, скорее всего, можно было сделать исключение. Ведь после несения службы, не сразу легко влиться в мирскую жизнь с её местными, ещё не совсем ясными для его понимания обычаями.

– Но именно об этом я и собирался вас спросить, а вы ответили, что не знаете, – по расплывшейся улыбке Зенона, стало понятно, что он, поддев Антиоху, сумел добиться своей пакостной цели.

– Ах ты, бородатое мурло, – по данному заявлению Гения, сопровождающемуся, по очень юридическому мнению Секста Помпония, оскорблением действием, стало ясно, что Антиоха всё-таки заблуждалась на счёт его героизма и что он тот ещё герой.

– Он знает одну из именных загадок Сфинкса, – насторожились, услышавшие это умозрение Гения, находящиеся рядом с Зеноном братья-софисты.

– Помогите! – обратил свой крик о помощи к своим собратьям по логическому искусству взятый в оборот Гением Зенон.

Гений же тем временем, схватив вредного Зенона за бороду, продолжал нещадно крутить ему уши. Ведь Зенон в своё время, когда Гений был совсем маленьким, не раз ловил его без билета и сам драл уши этому зайцу.

– К Зевсу обрати мольбы, – только посмеивались в ответ братья-софисты, не терпящие своих первейших конкурентов.

Но вот, кажется, Зенон изловчился и, укусив Гения за руку, заставил его для начала сожалеть о таком неосторожном распускании рук, а после того как подсечкой уронил его на ступеньки, то изо всех сил бросился бежать прочь.

– Ах, ты, падла, – отряхнувшись от пыли, вне себя от злости, Гений бросился вдогонку за Зеноном.

– Ну, этот универсальный ответ уже никого не удивит, – братья-софисты от осознания своего всезнания вновь обрели свою всеважность.

Гектора ж, в бегстве преследуя, гнал Ахиллес непрестанно,

Словно как пес по горам молодого гонит оленя,

Словно во сне человек изловить человека не может,

Сей убежать, а другой уловить напрягается тщетно,

Так и герои: ни сей не догонит, ни тот не уходит, – тут же нашёлся один из местных поэтов-рапсодов, который воспел эту погоню.

– Пусть побегают для моциона, – Елена зевнула и, взяв за локоть почему-то раскрасневшуюся Антиоху, направилась внутрь амфитеатра.

«Наверное, это следы от стычки с Зеноном», – ошибочно подумал, как всегда странно себя ведущий Парадокс, имеющий свои виды на Антиоху, который, вместо того чтобы быть на месте Гения и догонять этого Зенона, вовсе не торопится его догонять, а как всегда, лишь пользуется моментом.

– Что ж, посмотрим на этот вопль козлов, – выйдя на переходную площадку, Елена принялась осматривать уже присутствующих в амфитеатре зрителей.

– А самых первейших козлов, поставили на входе, – выведенная из себя, всё ещё не может успокоиться Антиоха.

– И не говори, – заметив в одном лице постановщика и сценариста сегодняшнего представления трагика Софокла, Елена, испытывающая необъяснимую дрожь и тягу ко всему трагичному и, всего вероятнее, желающая занять своё подобающее ей почётное место на сцене, очень внимательно изучает эту уже становящуюся легендарной сценическую громадину, чья протекция, пожалуй, позволит ускорить ход продвижению её таланта.

– *Допустим, Ахиллес бежит в десять раз быстрее, чем черепаха, и находится позади нее на расстоянии в тысячу шагов. За то время, за которое Ахиллес пробежит это расстояние, черепаха в ту же сторону проползет сто шагов. Когда Ахиллес пробежит сто шагов, черепаха проползет еще десять шагов, и так далее. Процесс будет продолжаться до бесконечности, Ахиллес так никогда и не догонит черепаху!* – ошеломлённый этой внезапной своей догадкой, Зенон вдруг замедляет своей бег и, уверенный на все сто в истинности этой своей апории, уже не спеша продолжает свой дальнейший ход.

Но Гений ещё не знает всей верности этого нового, хоть и виртуального, но всё же *аксиомального* закона, и поэтому каждый его шаг приближает его, нет, не к знанию, а всего лишь к этой земной незначительности, Зенону.

Что и говорить, трудно и часто некомфортно жить во времена зарождения всего и вся, когда законы мироздания только ещё витают в облаках и не вступили в свою действенную силу. Ещё нет ни аксиом, ни постулатов, на которые можно было бы опереться в своем доказательстве правоты. И даже яблоки всё так же продолжают спокойно падать, не найдя для себя подходящих, глубоко анализирующих голов, которые подсказали бы, ну хотя бы тому приверженцу Дионисия, что чашу с вином не следует ставить на самый край балюстрады. И что, несмотря на непридуманный закон всемирного тяготения или же его игнорирование, он всё же продолжает вас тяготить, взывая к этой чаше, которая, не чувствуя устойчивости своего положения, отклонилась от заданного ей положения и, устремившись вниз, сообщила о своей налитости ничего не подозревавшему и предпочитавшему плоскостные отношения Евклиду.

– Что за на... – хотел было крепко выразиться Евклид. Но тут он заметил обращённые на него взгляды, так любящих его комментировать своих последователей Паппа и Порфирия, последний из которых к тому же очень последовательно ищет повод объявить о его непоследовательности в отстаивании принципов геометрии, так что Евклид резко тушит в себе гнев и после вопроса Паппа «Поризмы?», отрицательно мотает головой, заявляя: «Нет, сочинение «περὶ διαιρέσεων (О делении)».

И уже когда Папп и явно не поверивший ему Порфирий, предложив ему обратиться за помощью к медику («К Архимеду, этому италийцу? Да никогда! – истекая кровью, отверг эту немислимость Евклид. – Я никогда не признаю, что аналитический способ решения задач, на котором настаивает этот математический гуру Архимед, более практичен, чем графический!» – Евклид, аж побагровел, вспомнив своего идеологического противника на этом математическом фронте, где у каждого из них была своя, бесчисленная для противника, но все как на пересечёт для самих глав партий Евклида и Архимеда, когорты их последователей, которые, между прочим, не гнушались выяснять свои отношения и в кулачном бою), получили отказ,

то они, решив предоставить Евклида самому себе, отвернулись от него и вновь обратились в зрителей.

И вот только тогда лишь Евклид, своим хитом обтёр свою гладкую поверхность головы и, несмотря на имеющиеся у него доказательства невозможности пересечения прямых, решил, что он ещё пересечётся с тем, кто, таким образом, выразил свою параллельность по отношению к нему, в чём мы, исходя из выше представленных соображений, можем даже не сомневаться.

Кроме того, и право, пока что тоже находится в своём зародышевом, формирующемся состоянии, и на данный момент всем рулит обязанность, обязуя тебя быть, если не героем, то, по крайней мере, гражданином, чьи права, между прочим, ещё надо доказать. В общем, на каждом шагу тебя ожидают условности и не очерченности границ, переход через которые грозит тебе как минимум гневом богов. Ну а когда нет твердых основ видения мира, то первые уважительные места занимают либо те, кто имеет длинный язык, либо же те, кто приводит аргументы в качестве кулака. И лишь когда будет выстроена (всего вероятнее, с помощью того же кулака) вся правовая система, то уж тогда-то и можно будет спокойно вздохнуть и, следуя установленным правилам, регламентирующим жизнь, будучи ничем неограниченным, кроме этих рамок, целенаправленно плевать куда следует. Ну а пока что идёт не шуточная борьба за право устанавливать эти правила игры, без которых сложно для себя представить прогрессивное развитие человечества, которое из-за своей неразумности, просто нуждается в своих, как избранных, так и по своему исключительному праву людских поводах.

– Установи свои правила игры, введи свои правовые рамки и уже после этого, можешь спокойно пожинать, теперь уже точно твои плоды и лавры, – пророчествовал первый мифический стратег, который так и не удосужился сообщить своим потомкам, на каком основании, именно им установленные правовые нормы, имеют приоритет перед всеми другими («Право сильного – чем не аргумент», – эхом свободных Афин отдаётся в ушах демагогов).

– Ладно, для начала (Στοιχεῖα) и поверхностного взгляда будет достаточно, – заявил Евклид и тем самым вернул нас к Гению.

А между тем Гений, находясь в неведении такого поразительного открытия Зенона, можно сказать, прослыл невежей и, не обращая внимания на научно-обоснованную невозможность его подобных действий (видимо, без публикации и получения патента на своё открытие, само открытие, в определенных несогласованных случаях, не имеет, не то что юридической силы, но даже игнорируется самой реальностью жизни), совершил, по апории Зенона, невозможное, и догнав его, с разбегу приложился ногой к одному его месту. После чего тот, поднятый вверх этим ускоряющим ударом, унёсся в кусты и как следствие этого соприкосновения, где-то примерно с месяц, не мог и помышлять о заповири. Сам же Гений не стал помышлять о дальнейшей судьбе Зенона и с чувством выполненного долга, направился обратно ко входу в амфитеатр.

– Гений, мы здесь, – заметив вернувшегося героя, Антиоха, к неудовольствию Парадокса, помахав тому рукой, выказала свою зоркость.

Гений, заметив этот приветственный взмах рукой, дабы проявить свою галантность, ну а когда имеешь в кармане неистраченную на входной билет пару лепт (финансирующий нынешнее представление хорег не пожмотился и выдал малоимущим, в которые поспешили записаться все Афинские скряги, денег на входной билет), то так и тянет на что-то подобное. Так что, не было ничего удивительного в том, что Гений, мигом прикупив пару пакетиков фиников, без которых представление теряет свой вкусовой интерес, принялся поспешать, чтобы присоединиться к своим друзьям и подругам.

– А ты, я смотрю, не зря бегал, – корыстность Елены, возьмет да и прорвется через её сладкие, даже для фиников уста.

– Спасибо, – только и сказала немногословная, но очень выразительно глазастая Антиоха.

– А мне? – не получив ничего, удивлён такому миропорядку получения сладостей Парадокс.

– Ну ты и Парадокс, – вместо «хамло», слишком уж снисходителен к своему другу Гений, успевший воспользоваться этим не воодушевлением Парадокса и занять место рядом с Антиохой и тем самым выдавить того на самый край ложа, к проходу.

– Кто это? – заметив эти движения Антиохи, из ложа элитариев, задался вопросом находящийся здесь инкогнито, римский легат Цилус, прибывший сюда, в эту цитадель демократии не просто так, принять участие в ежегодных празднествах, проводимых в честь бога виноградарства Диониса – дионисиях, а имея к тому же ещё свою тайную миссию, на который счёт, он, будучи прижимист, пока что старался не распространяться.

При этом он был не прочь совместить полезное с приятным, которого, судя по всему, можно было ожидать не мало. Ведь всё-таки, когда вино рекой течёт, то это всегда подразумевает заманчивые продолжения, а тут ещё праздник на несколько дней, так что Цилуса при его талантах, которые так и жгут его ляжку, ждёт не то что не мало, а даже то, что его бездушные распожеляет. Правда, при этом, не нужно слишком забываться, к чему он склонен в слишком сильном подпитии, возлежа на разных ложах, а следуя тайному предписанию, с которым он был направлен сюда из Рима, в плане культурного заимствования, начинать изыскания достойных представлять, как себя, так и ту науку или род искусства, о котором, как опять же он считает, этот представитель, имеет больше всего представления, чем он. Ну а как только он отыщет этих достойных мужей, то в последующем, их можно будет представить перед культурным сообществом Рима. Для этого Цилусом и были наняты из близлежащей к Греции среды, по его мнению, объективно незаинтересованные лица, критянин Минос, грайк Филон (расистски прозванный Грайком). Ну и плюс ко всему, чтобы быть не слишком оторванным от местных реалий и не прослыть слишком пристрастным или же просто, если что, было бы на кого все спихнуть, один из местных – эллин Это'т.

– Кто-кто? – не проявив внимательность, опять тормозит его проводник по значным местам критянин Минос.

– Да вон та прелестница в чудной накидке, с выющимися белыми локонами, – восторженно проговорил Цилус, тем самым, чуть не вызвав в Миносе желание оттошниться.

– Не понимаю, что они все в ней нашли? – Минос, бросив взгляд на Елену, удивлён и одновременно не удивлён закономерности поведения, по римским меркам, прилежного семьянина Цилуса.

– Запомни... – в один из моментов своей крепкой забывчивости, а что поделать, если градус сегодняшнего употребления требовал повышенного внимания, Цилус, сунул свой палец в лицо Миносу.

И к своему, как и Миноса удивлению, при этом попал ему точно в ноздрю, в которой до этого момента находившаяся и не дававшая проходу воздуху зеленая малоприятность, получив это подкрепленное силой указание, тут же вдавилась и, пройдя в горло Миноса, сейчас же им была проглочена. Заметив эти глотательные движения Миноса, Цилус принял их за выражение внимательного почтения и, дабы не упасть в грязь лицом взялся говорить, что при его состоянии не то что было весьма вероятно, а уже не раз им было проделано, так что на смену зелёной пробке в ноздре Миноса, очень пахнуще обосновалась иная, очень знакомая своей несваримостью субстанция:

– Только по римским рамкам и критериям, я буду жить и оценивать! И если что-то меня будет не устраивать, то, значит, будем либо менять, либо же переименовывать, – чуть не сорвал резьбу в ноздре у Миноса, слегка споткнувшийся и почти не упавший, разволнованный Цилус. – Всё исключительно будет находиться в нашей юрисдикции, и никак иначе. Ты меня понял?! – поставил в тупик случайного прохожего, оттолкнув (уже проехали) неинтересного собеседника Миноса Цилус, который, не сводя своего невидящего взора с этой, ясно, что мелкой субстанции, очень твердо дал ей понять, что он всё на это думает.

– Да это Елена! – после этой небольшой отвлеченности на своё мыслепроектирование, ответил Минос.

– Та самая? – слишком восторжен этот Цилус.

– Ага, – только на этот ответ и соблаговолил себя, вовсю плюющийся, нетерпящий подкаблучников Минос.

– А это кто с ней такой, слишком, по-моему, самоуверенный? – заметив, как Елена смеется над остротами Парадокса, Цилус, знающий множество анекдотов, над которыми Елена могла бы ещё не так укатываться в его отдельной палатке, наполнился праведным гневом.

– Да это Парадокс, – не считая того важной частью сущности жизни, Минос махнул на него рукой.

– И она с ним?! – ошарашенно задумался Цилус. – Вот это, парадокс.

– Видишь того, в белой тоге? – с другой стороны трибун, почти на одном уровне с занимающими ложе Цилусом и Миносом, незаметно указывая на них рукой, попытался указать на них оратор Гипербол, имевший за собой не только крепкий голос, но и небольшую поддержку в качестве ремесленного бизнеса по изготовлению светильников («Из искры возгорится пламя» – слишком ясен для далёких умов, выбитый на входе в его мастерскую девиз), обращаясь к грозе всех местных аристов, низкородному ратнику Терситу, по неким странным, очень тёмным обстоятельствам, находящемуся с ним в одной лодке. А ведь на столь сложный тандем с Терситом, на которого многие аристократы имели не только зуб, но и свои выражения:

Только Терсит меж безмолвными каркал один, празднословный,

В мыслях имея всегда непристойные многие речи,

Вечно искал он царей оскорблять, презирая пристойность,

Все позволяя себе, что казалось смешно для народа.

Муж безобразнейший он меж Данаев пришел к Илиону:

Был косоглаз, хромоног; совершенно горбатые сзади

Плечи на персях сходились; глава у него подымалась

Вверх острием и была лишь редким усеяна пухом. —

не просто так, можно было решиться. И, видимо, эти странно-тёмные обстоятельства, однозначно имели под собой политическую подоплёку (у каждого видного политика, в своём активе должна быть своя, хоть какая-нибудь, да легенда), о чём, впрочем, уже сами за себя говорят эти наветы аристократической партии, не гнушающиеся ничем и переходящие к прямым оскорблениям. Тогда как отсутствие горба, кривых ног и прямого зрения Терсита, в полной мере опровергает эти информационные атаки, состоящих на зарплате у царей, непонятно куда смотревших памфлетистов.

– Это всё Агамемнон. Строит против меня свои козни, – для прямолинейного Терсита не является секретом, кто является тем тайным кукловодом, стоящим за всеми этими наездами на него. И он, не терпящий недомолвок, всегда готов найти в своём противнике какую-нибудь погрешность и иносказательно или прямо облечь её в истину. – Он и имя себе придумал такое неудобоваримое, аж язык сломаешь пока выговоришь, лишь для того, чтобы все обращались к нему Ваше Величество.

Эти речи Терсита, бросающие тень на видность олигархии, заставляют поперхнуться вином всех слышавших их эллинов (которые до этого считали, что виной всему вино, своим действием сковывающее их словесность, а как оказывается, вот оно в чём дело), а самого Агамемнона – тем, что покрепче.

– Да их там в этих белых тогах, как собак не резанных, – не скрывая дерзость в своих речах по отношению к элитарному сословию, Терсит, одетый в хламиду, не слишком разбирающийся в моде и непонимающий отличия тоги от хитона, тем самым пытается скрыть своё невидение или неведение этого ходячего любителя тог.

– Ну такой, с римским носом и орлиным взглядом, – наводящие, видимые характеристики Гипербола, ещё больше вносят сумятицу в поисковые понимания Терсита, для которого до сих пор совершенно неясны (а обращаться к знатокам идентичности евгеникам он, боясь быть заподозренным в не патриотизме, не осмеливается) отличия между римским и греческим профилем. Ну а, орлиный взгляд, по его мнению, это вещь, ко времени обретения своего достойного места под солнцем и так ко всем приходящая.

– Да они все крутят своими башками, попробуй тут определи римский нос, – слишком хитроумен Терсит.

– Да вон тот, к которому подошёл этот урод в коротком хитоне, – Гипербола уже начинает выводить из себя такая не с концентрированность Терсита.

– Какой [1] этот? – опять Терсит, своей простотой всех вводит в ступор, когда, не зная статусности гражданина, пытается навесить на него свои ярлыки.

Впрочем, и среди граждан, занимающих куда более высокое положение, от которых, казалось бы, нельзя ожидать подобных казусов, ан, нет, и они умудряются опростоволоситься и, не зная всех значений употребительности слова, так сказать, обрушить его на не всегда стойкие для этого умы. Так, известнейший и всеми уважаемый Аристотель, не сумел заглянуть в будущее и во всеуслышание обозвал народных политиков – демагогов, к коим себя причислял и Гипербол, простатами народа, что, конечно же, для имеющего чуткий политический нюх Гипербола, было уж слишком, после чего Аристотель и иже с ним, были однозначно записаны в стан его олигархических врагов.

– У-у-у, – загудел от такой несознательности Терсита Гипербол.

– И мне того же, – заметив бьющую через край эмоциональность Гипербола, даёт заказ виночерпию его (пока что Гипербола, но если виночерпий будет нерасторопен, то и он станет первейшим врагом не любящего недолива Никия) политический противник, нищий родом, но богатейший златыми талантами, находящийся здесь же в этом политическом секторальном месте, стратег Никий.

– И мне! – не желая ни в чём уступать какому-то Гиперболу, а тем более Никию, делает заказ видный политик Алкивиад, вождь одной из гетерий, объединившей всех тех, кто восхищался и почитал самого Алкивиада, уже с молодости сделавшего акцент на своём, часто очень много за него говорящем имени.

– Как алкнет, то лучше уноси свои ноги, иначе увидишь ад, – как-то заплутархился в своих жизнеописаниях Сократ.

– А что такое ад? – пытаются сбить с философской мысли Сократа его злопыхатели.

– Есть вещи на этом свете, которые можно только тогда понять, лишь когда окажешься на том месте или свете, – как всегда нашёл достойный себя ответ Сократ.

Правда, и сам Сократ, не всегда столь остроумен и находчив, и, надо признать, что бывали в его жизни моменты, когда он оказывался в очень видимом всеми тупиковом замешательстве. А всему виной, опять же этот своевольный его ученик Алкивиад, по странному стечению обстоятельств, застигнутый Сократом в объятиях гетеры. И если сам Алкивиад, умудрился сослаться на ошибку толкования гетерии, где, как ему сказали, его будут ждать его товарищи по социуму, то в версию Сократа, что он оказался в этом доме лишь для того, чтобы отыскать Алкивиада, практически никто не поверил. «Видел бы ты его удивленную физиономию», – без всякого уважения к чувствам своего учителя, в пух и прах разносил перед Ломброзо, эту железобетонную отмазку для жены Сократа Алкивиад, сам того не подозревая, утверждая, что яблоко от яблони не далеко падает (первый, ещё должным образом не сформулированный, закон генома человека).

– Ну что, Никий, – сделав порядочный глоток, Алкивиад решил задеть своего политического противника.

– Я уже сорок лет, как Никий, – недослушав этого задиру, Никий, как опытный демагог, проявляет один из приемов демагогии и делает посыл к авторитету, с помощью которого пытается указать этому, ещё по сравнению с ним сосунку, преимущественность своего возрастного права.

Но, как и в любые, и даже в самые наипервейшие времена, седина или по крайней мере председина, опять проявляет наивность, ища уважение там, где её природой не предусмотрено, в результате получая раз за разом предписание о том, что учиться никогда не поздно.

– Я и не спорю, – пожав плечами, улыбнулся Алкивиад, тем самым, на мгновение, дав проявить восторженность партии Никия. – Как был сорок лет назад никем, так и спустя эту давность лет, остался Никием, – в свою очередь, проявив знание демагогии, перешёл на личности Алкивиад, не имеющий равных в этих переходах на личности, доводящих последних до бесформенного состояния.

– Чьё бы хлебало болтало, а чьё бы молчало, – Никий ещё тот крепкий орешек, от внимания которого не уйдет ни один недостаток своего противника, имеющего луженую глотку.

– Наконец-то, крупницы разума посетили тебя, друг мой Никий, – Алкивиад ловко переводит стрелки. После чего осушает свою чашу и, не дав возможности оспорить этот навет на Никия, под предлогом наполнить свою чашу новой порцией чудодейственного нектара, покидает своё место, оставляя наедине, лицом к лицу, а иногда и к спине, своих соратников с недружественной, противной во всех, вплоть до природного недоразумения смысла этого слова, партией под предводительством этого возомнившего себя демократом Никия. И если Никий видит в этом бегстве Алкивиада его уход от спора, в котором ему ничего не светило, то сам Алкивиад пока что не видит никакой возможности уединиться и справиться с перегруженностью своего организма.

– Смотри, куда прёшь, – возмутился получивший толчок от не разбирающего дороги Алкивиада Грайк, с очевидной завистью поглядывающий на Это'та, который благодаря своему умению рассказчика, уже на какую чашу вина себе наговорил. – Зальют себе зенки, а потом прут, сами не пойми куда, – плюет в спину этому хамлу Грайк.

Это'т же, занимаясь наполненностью своей чаши, не слишком уловив суть проблемы, всё же не удержался и забаснил Грайка:

– Слушай сюда, Грайк. Жила на свете одна змея, которую люди топтали один за другим. Ну и стала она жаловаться на это Зевсу. Но Зевс ей ответил: «Укусила бы ты первого, кто на тебя наступил, тогда второй бы уже не посмел», – рассказал басню Это'т и с довольной ухмылкой принялся ждать, когда Грайк его укусит.

Грайк же, хотел бы согласно моменту, достойно ответить, но видя, что Это'т, пока ещё может и сдачи дать, решил, что всему своё время, и дабы не акцентировать на себе внимание зевак, уже собравшихся послушать вокруг Это'та, задался вопросом:

– Скажи Это'т, а зачем ты нанялся к Цилусу, раз тебя и так за твой язык хорошо кормят и поят? (Теперь стал понятен источник ревностной неприязни Грайка к Это'ту, в которой явно читается безраздельная любовь к халяве, на которую, по мнению Грайка, Это'т незаслуженно обрёл себя в одну харю.)

– Эх, друг мой Грайк, – количество выпитого вина Это'том, преступило определенные границы и, стерев грани между понятиями, вызвало в Это'те блаженность, которая требовала записать всех в друзья и непременно обнять весь мир. – Язык – враг мой, – всё-таки намёкливость Это'та, войдя в противоречие с первосказанным, не даёт расслабиться Грайку. – И как говорится, друзей держи рядом, а врагов ещё ближе, – Это'т задолбал уже Грайка своей инсказательностью.

– И мне одну меру, – устав ждать, когда Это'т заметит его и поделится, Грайк, достав отложенную лепту и вручив её виночерпию, решил кутнуть на все.

– Вы где пропали? – выхватив чашу из рук Грайка, запыхавшийся Минос в один заход опорожняет её и несмотря на вытаращенные глаза потрясенного до основания своей души Грайка, продолжает увещевать Это'та. – Он меня уже заманал. А я что, один к нему нанялся, что ли?! Давай, берите кувшин ретийского, – Минос задумался, – нет, лучше два и мигом к нему!

– А деньги? – умеет всё-таки вовремя прийти в себя Грайк.

– Вот тебе обол, бери на все, – Минос не дал очухаться Грайку, считавшему, что на эту ничтожность больно не разгуляешься.

Грайк же, решив значительно восполнить упущенное, с барского плеча угостил пару раз неразбавленным себя и, так уж и быть, разочек разбавленным Это'та, чей шейный медальон из аметиста, раскрыл загадку не опьянения этого Это'та. Затем Грайк уже было собрался обратиться за следующей добавочной порцией, как Это'т, взяв его, слабеющего на глазах, в свои крепкие руки и, не обращая на его сиюминутные требования, доставил Грайка и себя к месту восседания Цилуса, который, исповедуя свой принципал во всем, очень трепетно относясь к тому, чтобы его неровня не была хмельнее его, строго и с осуждением посмотрел на них.

А в данном случае, надо сказать, налицо были все признаки кощунственного пренебрежения к его статусу. Конечно, Цилус, имел возможность и даже обладал внутренней нравственной поддержкой к своим, однозначно справедливым действиям, заключавшимся в том, чтобы как следует взгреть этих негодников стимулом. Но видимо, Цилус, как многоопытный прохиндей, зная бесполезность их наказания в состоянии не стояния, решил не тратить на них время и, дабы сократить своё отставание от них, с помощью штрафной чаши слегка сократил этот разрыв.

– Ну что, Это'т, можешь мне что-нибудь рассказать о присутствующих здесь? – добавив себе сладостного благоденствия и немного успокоившись, Цилус не прочь послушать этого всё знающего Это'та.

– Об иных можно много сказать, но не имеет смысла говорить. О других же, имеет смысл знать, но нечего сказать. – Ответ Это'та заставляет Цилуса, решившего, что он ещё не в той стадии разумения, потянуться за добавкой.

– А, по конкретнее? – после глотка, потребовал разъяснений Цилус.

– Иных уж нет, а те далече, – явственные намеки Это'та на плохое зрение, на прозорливость которого благоприятно действует винный нектар, заставляют Цилуса отправить Миноса за ещё одним кувшином нектара.

Делать нечего, и Минос, чертыхнувшись для приличия, несётся за новой порцией праздничного напитка Диониса. Это'т же, между тем, всё-таки имея язык без костей, отчего он, видимо, так сладко о нём и отзывался в одной из своих басен, называя наилучшим блюдом, поднимается на ноги и обзрев трибуны амфитеатра, которые постепенно занимались подходящими зрителями, часть из которых, следуя своему восторженному настроению или нраву, согласно весёлому характеру праздника, надели на себя шкуры козлов и овец, принялся мудрствовать:

– Ты вот, просишь меня, что-нибудь рассказать о присутствующих здесь, что, по сути, означает рассказать о вещах неодушевленных.

Слова Это'та прошли мимо ушей Цилуса, который, имея изменчивый характер, теперь вовсю наблюдал за Еленой, у которой в отличие от Это'та, было не в пример ему, на что посмотреть.

– Что и говорить, неодушевленность нынче играет, куда большую роль, чем одухотворенность, которая трудно поддается своему выражению. Тогда как неодушевленность, даёт куда больше возможности охарактеризовать вас и через неё дать вам оценку. Так сказать, предметность определяет человека и всё чаще теперь, место красит человека, а никак не он место.

Взгляд Это'та упал на одну из трибун, видность сидящих на которой, видимо, заслуживала особенного к себе внимания всякого смотрящего и, в частности, Это'та.

– Вон сидят политики, самые, по их и общественному мнению, лучшие граждане нашего полиса, которые прилюдно, как аксиому, постоянно талдычат нам, что политика – это грязное дело, в которую, между тем и тем, а, может, и вон тем, хотя, скорее всего, между строк, всегда голословного бюллетеня, идут только (в чём они себя подозревают) безгрешно чистые люди. Тогда у меня есть всего лишь один вопрос. Если они все такие чистоплюи, то тогда откуда берётся вся эта грязь?

Горячность слов Это'та, смотрящего на свои вымазанные в грязи руки, видимо взяла своё, ну а образовавшаяся сухость во рту, и во все заставила его замолчать. После чего он, бросив взгляд на ушедшего в себя Цилуса, и раздраженный таким с его стороны пренебрежением к его Это'та мыслевыражениям, схватил стоящую рядом с Цилусом чашу с вином и со всей своей мстительностью опустошил её. После этого, не желая ждать к себе внимания, перешагнул через растянувшего свои ноги Грайка и направился вверх по трибуне, дабы там найти достойных для себя слушателей.

Напряженная уединенность никогда не оставляет после себя бесследность твоего пребывания, на которое, наконец-то, после долгих поисков обрёл себя Алкивиад, с трудом набредший на безлюдный укромный уголок, в кустах которого, он и обрёл возможность без лишних глаз, справиться с переполняющими его организм излишками. Что, в свою очередь, эмоционально отражалось на его лице, несколько философски смотрящего на мир из зарослей кустарника.

– Да сколько можно уже терпеть?! – прозвучавшая совсем рядом неожиданность, с которой обрушилась на Алкивиада эта словесная тирада, не слишком обрадовала его, заставив содрогнуться мысль, ну а сердце, и вовсе напряженно забиться.

– Согласен. Пора уже кончать с этой перебродившей гадостью, – ответ невидимого собеседника, своими намерениями, слишком пугающе страшен для сжавшегося в комок и напрягшегося Алкивиада.

– Сколько можно бездеятельно смотреть на эту демократическую сволочь? – Прозвучавший практически в ухо Алкивиаду голос, заставил ёкнуть его сердце, и он, вспотев, всё-таки бросил свой взгляд по сторонам, но кроме веток кустарника, ничего приглядного видно не было, и Алкивиад немного перевёл дух.

– Что ж, пора уже идти на радикальные меры и втоптать их в говно! – Алкивиад ошарашен этой ближайшей перспективой, которую выказывает чрезмерно агрессивный второй собеседник.

– Я тебя понимаю, но ты же знаешь, что спешка плохой советчик. – Алкивиад полностью согласен с первым, очень здравомыслящим собеседником, с которым, если бы не эти затруднительные обстоятельства, стоило бы за чашкой вина пофилософствовать.

– Давай уж сначала, с помощью Диогена раскачаем эту демократическую лодку, что, надо отдать ему должное, у него очень даже неплохо получается. И, я думаю, в скором времени это позволит дискредитировать демократов, отчего они уж не смогут сдержать свою злость и где-нибудь, на чём-нибудь да сорвутся. Ну а тогда, мы получим неплохой предлог обвинить их в не толерантности, что, в конечном счёте, позволит нам одним ударом разрубить этот гордиев узел.

«Копипастер!» – услышав это знакомое изречение в устах первого собеседника (автором изречения однозначно был его друг Александр, который уж сильно наловчился в завязывании различных геополитических узлов), вспыхнув от гнева, проскрипел сквозь зубы Алкивиад, признав за собой ошибку в том, что он слишком поспешно обвинил этого первого собеседника в мудрости.

– Олигархия или на крайний случай тирания – вот что нам поможет, – ответил второй и после небольшого раздумья добавил, – ну а что с другими будем делать? – всё-таки второму, диалогически настроенному собеседнику, всё неймётся, и подавай ему всё прямо сейчас.

– О них можешь не беспокоиться. Для кого-то нет слаще оболы, а кому и сладкая гетера, всегда направит его политические очи в нужное русло, – уж очень сладкоречиво произнёс все эти предложения первый собеседник, и у второго, как и у случайного подслушвателя Алкивиада, при словах «сладкая гетера», закрутило в животе и потекли слюни.

После этого Алкивиад, признав, что этот первый собеседник, всё-таки не так глуп и знает, что предложить, вновь поменял своё суждение о первом собеседнике, на другое, диаметрально противоположное.

– Ладно, хорош облизываться, – эта произнесённая первым собеседником фраза, скорее всего, была направлена ко второму собеседнику, Но Алкивиад, представляя себе сладкоголовую гетеру, занимался тем же, что и второй – облизыванием, поэтому, естественно, он не мог не принять сказанное на свой счёт, отчего тут же опять вспотел и, испугавшись, что на этот раз, уж точно не остался незамеченным, сжавшись в комок, уселся в самый низ под себя.

– Пошли, – довершил свою фразу первый.

Ну а, судя по тому, что шаги начали удаляться от этого места сидения Алкивиада, он так и остался незамеченным для них, тогда как последний присядочный маневр Алкивиада, стал очень заметен для него, усевшегося в контактную близость с тем, чем постоянно поливают своих недоброжелателей наряду с помоями другие недоброжелатели, и чем, конечно же, он, не смотря на свою страсть к информированию окружающих, не мог похвастаться.

Но Алкивиад, не смотря на такую свою оплошность, не собирается обтираться и отсиживаться, что в перспективе грозит различными последствиями для носов окружающих, когда просто незамедлительно необходимо узнать, кто же там за кустами вёл такие возмутительные разговоры. И он, не смотря на все эти свои претерпевания, как бьющая в нос вонь отхожего места, бьющие по рукам и по его красивому лицу ветки кустарника, для которых, как оказывается, не существует лицевых различий, Алкивиад всё-таки выбирается из этого кустарникового массива. Где, не обнаружив на дороге никого живого, в сердцах выдохнул и после небольшого раздумья, видимо, придя к определенной мысли, злобно посмотрел в предполагаемую сторону, где могли скрыться эти заговорщики. После чего собрался с духом и потрясывая кулаком, выразив то своё, что он надумал, от души, правда, только про себя, заорал: «Спартиаты»!

[1] Какой (Др. Гр.) – низший, почти раб.

Глава 2

Сия антрактная чаша никого не минует

– Антракт! Услышьте граждане Афин, чьи умозрения перегружены мыслями, а сердца чувственностью. Услышьте те из вас, чьи зады перетёрты от восседаний, а животы уже переполнены вином от возлияний. Ну и наконец-то, просыпайтесь те сонные тетери, которые своим невоздержанием, уже достали всех и вся. И вам во избежание ответного невоздержания, пора бы уже подняться со ступенек и отправиться к себе домой. Наступил антракт! – Голос глашатая, который судя по его заковыристой речи, тоже решил не оставаться в стороне от этих празднеств, стал сигналом к действию для всех, переполненных не только вином, но и самим собой.

Ну, а Клеанф, этот верный ученик Зенона (Ты, либо учитель, либо ученик и другого здесь, в этом мире установления постулатов и основ умозаключений не суждено быть), поднявшись со своего места, предусмотрительно захватил свою хламиду, сложенную для мягкости сидения на трибуне в четверо. Подушка, хоть и мягка, но не предстало герою выказывать мягкость своего зада. Так что, пусть на них сидят женщины, чьи появившиеся совсем недавно на представлениях зады, всё же требуют своей мягкости.

Потерять же место, определяемое этой своей накидкой, он не боялся. Ведь все здесь знали, что Клеанф в кулачном бою не имеет себе равных, отчего его даже прозвали вторым Гераклом, так что, имеющий зрение, да увидит за кем это место. А вот что касается хламиды, то тут вопрос обстоял несколько сложнее. Ведь кто знает, в какой хламиде или лучше хитоне, ты проснёшься по утру или ещё интереснее, под какой хитон тебя занесёт. Что, можно сказать, подходило под аксиому, определяющую все последующие действия Клеанфа, сильного в теории, но слабого в ногах, если он вдруг решится не воздерживаться на этом празднике Дионисия.

Ну, а когда на тебя весьма дружелюбно поглядывает одна кареглазая нимфа, чей спутник, изначально придя сюда, ошибся в своих расчётах и начал усиленно налегать на вино, а не на свою подружку, чем основательно выбил из под себя дальнейшие возможности по превращению своих желаний в жизнь насчёт этой нимфы, которые сейчас сводились только к одному, как бы поскорее освободить свой желудок, то такая возникшая для Клеанфа возможность, разве может им, пройдена мимо. И как только спутник этой кареглазой нимфы унёсся прочь, то Клеанф, который не прочь побыть героем даже на час для чьей-то женской головки, подмигнул этой всё понимающей нимфе и не спеша, как он всё всегда и делал, приготовился следовать к выходу. И хотя Клеанфа за это его неспешное качество прозвали медлительным, он на это не обижался и всегда отвечал свою выдержанность из любимой им «Электры»: «Тише, тише! Лёгкой ступай стопой...». Так что, если ты знаешь, что тебя ждут, то ты никогда не опоздаешь, с коим сознанием Клеанф и двигался всегда и сейчас к своей цели.

Глядя на могучего Клеанфа, можно было многом о чём поразмышлять, о чём позабывшись о себе, и поразмышляли мудрецы древности, для которых он, скорей всего, послужил тем примером, на котором воздвигли свою мудрость воздающие дань слову мудрецы, цементируя его в цитаты, которые глядя на Клеанфа, не могли пройти мимо него, не воздав ему своё: «В здоровом теле, здоровый дух, явление столь же редкое, что и...». Ну а дальше, удар в ухо засмотревшегося в свою мысль мудрецу, не уступившего дорогу Платону и его буйным по школе борьбы товарищам, где кто-то из них определял доходчивость мудрости кулаком, отправив этого мудреца в нокаут, где, как говорят, тоже неплохо размышляется.

Что, на начальном этапе установления разумных критериев, по которым определялась мудрость и все прилегающие к ней премудрости, было вполне частым явлением, и по тем меркам, даже очень разумным решением при возникновении безвыходной ситуации. И, конечно же, если крепость твоего слова была подкреплена крепостью кулаков, то слово всегда выглядело основательней, чем то, что выносил на всеобщее обсуждение какой-нибудь горлопан на глиняных ногах, которому стоит только не вербально контр аргументировать и он всё, уже посыпался. Так что, нет ничего удивительного в том, что все заслужившие уважение и ставшие притчей во языках мудрецы, эти мастера слова, практически все прошли свою школу уличной выживаемости и вышли из школы мастеров борьбы, кто на ковре, а кто на татами.

– Клеанф, не спеши. – Перегородив выход Клеанфу, перед ним не дорос, но постарался вырасти, всем известный и многих доставший Платон. Платон же, по всей видимости, на этот раз решил достать Клеанфа, который с удивлением посмотрел на Платона и стал ждать, что же тот надумал ему ещё сказать.

– А ты это, чего вносишь дисгармонию в учение своего учителя. Зенон, видишь ли, на входе стоически отстаивает постулаты своего учения, а ты тут, невзирая на него, восседаешь в наслаждениях. – Заржал Платон, за чьей широкой грудью слышались смешки его всегда с ним учеников.

– Ну, застой случается в головах, а не в ногах. – Ответ Клеанфа заставил побагроветь Платона от такого мудрствования его более удачливого по рингу противника. От чего Платон, сам себе не признаваясь, всё чаще обращал свой взор на философию, в которой этот последователь школы стойков Зенона, как оказывается, тоже умеет его крыть.

– Не знаю, чья философия сильнее, но скажу одно, чтобы выстоять и не поглупеть, слушая твоего Зенона, надо иметь столько же счастливой удачи, что и на ковре в схватке с самим Гераклом. Где, впрочем, и она не поможет. – Платон, когда волнуется, всегда переводит любую схватку в партер, что совершенно не мешает ему трястись от смеха.

– Я бы, сделал одно не маловажное уточнение. Выстоять и не посчитать себя за глупца, это как раз уже есть первый шаг к мудрости. – Клеанф, выговаривая потихоньку слова, уже заставляет Платона трястись не от смеха, а от бешенства.

– Ну, видимо Аристон, не выдержал наплыва этой мудрости и поэтому, как только твой учитель отвлекся на болезнь, быстренько и покинул его школу. – Озлобленность Платона, заставляет его вытаскивать на свет грязное белье и таким грязным пиаром, крыть своего противника.

– Пути глупцов предопределимы. – Последовал ответ Клеанфа, для которого напоминание об Аристоне, бывшем ученике Зенона, переметнувшимся от него, тенью легло на Клеанфа. А ведь ему симпатизировало отношение Аристона к театру, заявлявшему, что мудрец должен быть подобен хорошему актеру, который может надеть маску, как Агамемнона, так и Ферсита, и обоих сыграть достойно.

– Ну, с этим я не могу с тобой не согласиться. – Платон, заметив брошенный мимолетный взгляд Клеанфа на миловидную красотку, выходящую из своего партера, решил использовать, эту свою приметливость. – И видя твои устремления, не могу не задаться вопросом, а туда ли должны быть направлены твои воззрения, когда душа жалкого пропойцы, имеющая свойство бесценности, тоже имеет своё право жаждать, а ей тем временем, обманным путем переходит дорогу душа мудреца. Так может ли этот мудрец, после этого, столь не заслуживающего его поступка, называться этим словом. – Платон с каждым своим сказанным словом, обретал уверенность в себе, отчего, наверное, его и стало, как-то даже ещё больше вширь расширять.

Клеанф же, слушая Платона и глядя на него, постепенно начал сомневаться в своём решении, дать тому шанс на исправление. А ведь он никогда не спешил и всегда давал шанс на исправление любому, но сейчас ему показалось, что он очень поспешил, дав этот шанс Платону. Правда, потом он всё-таки передумал и, посмотрев на эту расплывшуюся от удовольствия физиономию Платона, с расстановкой слов ответил ему:

– Я не пойду путём Диогена (при упоминании Диогена, который заявлял, что он Платон конформист и использует имя Сократа в своих целях, Платон вновь покрылся гневливой краской), выбивая пыль из ковра, пытаюсь тем самым, указать на твою спесь. Я же просто отвечу тебе мудростью Ксенофонта, в своё время говорившего: «Почему спрашивается, философы стоят у дверей богачей, а не наоборот. А потому, что они знают, чего хотят, а другие нет». Вот и я, знаю, чего хочу, а та душа уже забыла. – Клеанф замолкает и, сдвинув с прохода Платона, пройдя мимо него, направляется вверх к выходу, откуда на него уже поглядывала эта очень кареглазая нимфа.

Между тем, не один только Клеанф удостоился своего пристального взгляда. Так обладающий весёлым и добродушным нравом Софокл, этот уже признанный всеми трагик, без чьих пьес уже не обходился ни один праздник Дионисий, всё же несмотря на всё это, в одних глазах, так и остался молодым, подающим надежды дарованием. Что, конечно, могло бы польстить начинающему поэту, но Софокл, чей возраст уже переступил... Хотя, конечно же, в деле искусства возраст сочинителя вещь весьма относительная. Ну а тогда, как насчёт того, что его первая тетралогия доставила ему победу над самим Эсхилом и ещё несколькими трагиками. «Ах, вот почему!», – ошеломляющая сознание догадка поразила Софокла, попытавшегося сквозь окружившую его толпу его почитателей, рассмотреть где находится тот, кто до сих пор, со снисхождением называет его подающим надежды, когда как, он давно уже заслуженный трагик.

Но взгляду Софокла, на данном этапе не суждено было обнаружить своего соперника по трагическому искусству, ведь на его пути встала красота, мимо которой разве может пройти

человек искусства, который отдал себя делу служения прекрасному. Так что в том, что его взгляд задержался на Елене, которая также как и он, оказалась в не меньшем количественном кругу ретивых почитателей уже её природного таланта красоты, не было ничего удивительного. Залюбовавшись этими видами Елены, Софокл на время забылся от этих окружающих его невзгод, в виде желающих славы поклонников его и в особенности своего творческого таланта, которые пытались ему тут же продемонстрировать выдержки из своих сочинений.

– Софокл. Зацени. – С этих слов начинал свой стих каждый из молодых сочинителей, растолкавший своих собратьев по перу и оказавшийся перед очами Софокла, после чего на него обрушивалась своя порция сочинения.

– Я, заценил. – Облюбовав Елену, Софокл по рассеянности, которую всегда вызывает красота, своим высказыванием, поверг в благоговейный экстаз молодого поэта декламирующего ему свой дифирамб. А, добавленное Софоклом: «Да уж, совершенству нет предела», – и вовсе заставило молодого поэта обнаружить слабость у себя в ногах, чем не преминули воспользоваться другие поэты жаждущие признания, и имеющие желание сдвинуть, а скорее всего, выкинуть того из передних рядов, где как все знают, нет места слабакам. Ведь написать поэму, это всего лишь пол дела, когда как пробиться к читателю, слушателю или к тому же зрителю, необходимо иметь не меньше напористости, выдержки и локте-толкательного таланта.

– Софокл. Зацени. – Снова звучит требовательное уведомление от следующего счастливого, пробившегося воочию Софокла, чей взгляд на этот раз выражал затуманенную строгость, вызванную появлением того, кого бы он поначалу хотел увидеть, но когда он обнаружил его в кругу Елены, то это почему-то стало для Софокла неприятным открытием. Конечно, то что круг поклонников вокруг Елены был количественно не мал, не могло не вызвать в Софокле, как и у каждой известной личности здесь в амфитеатре, ревнивого чувства к тому, что у кого-то другого, почитателей таланта очень даже не меньше, чем у тебя. Ведь через эту видимость, шло негласное соревнование между общественными лицами полиса, претендующим на своё место в истории, ну а ещё лучше, на своё тёплое место в ареопаге. И хотя количественная статья, это дело поправимое, то замеченный Софоклом Эсхил, чья лысина обрела своё место рядом с Еленой, поднял в нём весь памятный ил воспоминаний, в которых ему так и слышались, эти на его счёт слова этого аристократа Эсхила:

– Да, в нём что-то есть.

– Я тебе покажу, что у меня есть. – Сжимая в руках свою ручную черепаху, закипел от злости за такое признание Софокл. И он, как сейчас помнит, в тот раз чуть не сплющил панцирь черепахи и заодно не раскроил ею эту лысую башку отца трагедий.

– Попробуй, ещё сказать мне, что я сынок. – Так и хотелось довершить начатое с черепахой, уже переполненному гневом Софоклу, стоявшему в невидимой боковой близости от Эсхила и подслушивающего его рассуждения об идущей на сцене его трагедии «Антигона».

– Ладно, посмотрим ...что из него выйдет. – Следующая, правда только первая, услышанная Софоклом часть фразы, брошенной Эсхилом, стала судьбоносной для обоих. После чего Софокл опустил руки и, сказав: «Всё, в воле богов», – отправился в гримёрку, подготавливать этих увальней актёров, которые стали совсем неуправляемыми, стоило только ему ввести в трагедию третье лицо, так называемого триагониста. После чего они, быстро определившись и сообразив на троих, принялись выкидывать различные фортеля. Видите ли, им для создания образа на сцене, просто необходимо употребить для храбрости, а там глядишь, и маски перепутают или вообще, в виду не стойкости третьего, начнут устраивать на сцене междусобойчики, благо маски этому содействуют. Отчего Софоклу, как зачинателю этого новшества, приходилось переквалифицироваться в актёра и частенько выходить на сцену вместо потерянного для себя и зрителя актёра.

Но как только Софокл увидел, как этот монумент истории, воссевший рядом с Еленой, благосклонно принимает от неё почитание, то в нём вновь разыграло то забытое, нестерпимое

чувство под названием любовь к себе подобным, а не только к Музе. А ведь он всегда следовал заветам отцов и не отвлекался на всех этих красивых актеров. «И он даже...», – пролетевшая в голове Софокла крамольная мысль, заставила его очнуться от всех этих его переживаний, которые он никому не расскажет и не покажет, и ни одна, даже самая дикая мысль, не покинет его мужественное, с большой буквы тело.

После чего он, увидев перед собой выжидающее его решения лицо начинающего поэта, задумчиво нахмурился. Правда, Софоклу, в следующий момент, почему-то, вдруг стало смешно, что, в конечном счёте, и привело к высказанному им решению:

– Ступай к Диогену, он там у себя в бочке тебя оценит. – Что, конечно, не могло не привести этого начинающего поэта к нервному потрясению, а стоящих позади него, ожидающих своего места рядом с Софоклом поэтов, к потрясению их животов от смеха.

– Ищите женщину. – Софокл, глядя вслед уходящему несчастливцу, наткнувшись на эту мысль об этой причинности всех несчастиях и счастьях, мысленно сделал для себя задел для новой своей трагедии.

– Дань традициям, конечно, бесспорная вещь, но при этом надо признать, что время на месте не стоит и как ещё недавно, здесь среди зрителей не было места нам женщинам, то также в скором времени изменения придут и на сцену. И кто первым это поймёт и уловит эти требования времени, тот можно сказать, сделав этот сценический прорыв, и войдёт в историю театра. – Елена, не сводя своего взгляда с Эсхила, попыталась придать своему голосу, волнуемой сердце любого мужчины, томной убедительности.

– К-хе. – Улыбнулся сказанному Еленой Эсхил. – Жаль, конечно, тебя расстраивать, но в историю театра, я уже вошёл... – Не успел Эсхил договорить, как уже поставил на себе жирную точку, с потерей к себе интереса со стороны Елены, для которой желание демонстрировать свои таланты на публике, было сжигающей её изнутри страстью. Ну а когда ты не отвечаешь её перспективам, то разве с тобой есть о чём говорить. Так что, теперь сиди в одиночестве и расстраивайся, глядя на то, как не расстраиваются с Еленой те, кто ещё хоть и не попал в историю, но при этом не прочь в неё даже вляпаться.

Ну, а так как путь на сцену регламентировали законы, определяющие запрет на выступление женщин на сцене, то исполнительными продюсерами этих законов и постановкой пьес, являлись те (все эти трагики и сочинители пьес), кто по первому её требованию были готовы изменить, как не себе, так и многим законам. И если Эсхил, чей почтенный возраст позволял Елене обойти некоторые постельные формальности для достижения своей цели – попасть на сцену, как оказалось, не проявляет должного понимания, то тогда зачем тратить на него время. И, следовательно, нужно обратить свой взор на молодую сочинительскую поросль, среди которой, конечно же, на первом месте стоит Софокл, который, как она краем глаза заметила, не прочь посмотреть ей очень близко в глаза.

После чего Елена, которая на время антракта не последовала вслед за своими спутниками на выход, чтобы там размять все свои затекшие места, а осталась здесь, при своих подушках, не для того чтобы сиднем сидеть и тратить своё молодое время на мятие задом подушек, а с целью привлечь внимание к себе. Так что, все её дальнейшие действия отличались своей последовательностью, направленной на привлечение к себе внимания, имевших своё веское слово театральных бонз.

И если её первые шаги вдоль трибуны, способствовали привлечению, пока что только всякого, лишь имеющего пылкие сердца хлама, то по мере её приближения к местам восседания всех этих, близко имеющих отношение к театру лиц, в ней нарастала надежда на то, что она не останется незамеченной теми, от которых зависят все эти постановочные дела. Ну а там она, можно сказать, и завоевала своё внимание Эсхила, который уступив напору женской красоты Елены, на полпути передумал идти на свой прогулочный моцион за добавочной чашей вина, которую ему, конечно же, бы нашлось немало охотников поднести, но его кости

требовали от него расжатия, и он, следуя своим внутренним рекомендациям, и хотел прогулять себя. Но что он мог поделать, когда эти красивые глаза призывно глядят на него, на которого в последний раз смотрели лишь очи елевсинской Деметры, которую он сам и вывел, в своей спорной с Периклом трагедии.

Но, как говорится, недолго счастье длилось, что, наверное, для мастера трагедий не должно быть секретом, и где молодости прощается, то там старость не имеет права на ошибку, которую совершил Эсхил, тут же потерявший со стороны Елены интерес и отправленный её удаляющейся спиной в забвение. Правда, из этого забвения, его спустя короткое время вывел появившийся здесь Парадокс, не питавший никакого почтения к театру и ко всем, даже престарелым внутренним двигателям этого трагикомического искусства, чьего проповедника Эсхила, рассеявшегося на его подушках, он бесцеремонно, по своему прибытию сюда и прогнал.

Между тем Елена, оказавшись на новом месте, в перекрестии глаз Софокла, который между прочим, кроме своего трагического искусства, был ещё тот актер, который в ответ на её пристальный и красноречивый взгляд, очень убедительно сыграл свою невозмутимость, которая при этом ответно говорила ей, что он будет через пять минут там, куда она укажет. После чего Елена, прижав правой рукой свою грудь, в знак одобрения его понимания, кашлянула и, развернувшись в обратную сторону, не спеша, ведь надо же и другим дать возможность убедиться в статности её фигуры, направилась к выходу из театра.

– Елена, ты куда? – хотел было встрять в её движение Парадокс, но невнимание ко всему кроме себя, разве позволит быть чему-то услышанному, к тому же, в этом антрактном шуме, разве можно до чего-то докричаться.

– И я о том же. – Вечно найдутся свои знатоки наружного осмысления не касающихся их дел, которые обязательно захотят вставить своё замечательное, только для них слово, в это, не касающееся их дело. Что и продемонстрировал представший перед Парадоксом нагловатый тип, со своим вызывающим слюноотделение видом. Этот тип стоял прямо на проходе перед Парадоксом и оперевшись ногой о находящуюся выше него ступеньку лестницы, держа в своих руках зелёное яблоко, огромными кусками откусывал его, чем однозначно пытался показать свою невозмутимость не перед чем.

– О чём же? – со своей стороны, резок в ответ Парадокс, который, конечно же, мог, сходу врезать этому наглецу, лезущему, куда его не просят, но этот хамоватый тип, обладал по сравнению с Парадоксом, внушительной комплекцией и Парадокс решил дать тому возможность оправдаться за свою, проявленную по отношению к нему дерзость.

– О том, что гнаться за двумя зайчиками, это в своём роде буриданово занятие. – Свой ответ этот тип, в ком Парадокс узнал Эмпедокла, одного из пифагорейцев, сопроводил смачным жеванием откусанного куса яблока.

– А ты, я смотрю, больно наблюдателен. – Ответил Парадокс, глядя на Эмпедокла, и решив, что надо тоже срочно вкушать яблочка.

– Чтобы увидеть фигуры в пространстве, для геометра не составит большого труда, а вот для того, чтобы увидеть их сопряженность и тождество, здесь внимательность и математический анализ не помешает. – Всё-таки все эти пифагорейцы, не упустят возможности выпятить из себя свою спесь, что и продемонстрировал этот Эмпедокл.

– Может быть и так, но на твоё замечание я бы ответил следующее, озвученное тобою интересно само по себе этим фактом, но само по себе не относится к неинтересным фактам. – Ответ Парадокса, на мгновение заставил Эмпедокла прекратить свои жевательные действия и внимательно посмотреть на Парадокса. После чего сплюнул под себя недоеденное и, улынувшись ему, заявил:

– А я смотрю, ты преуспел в риторике, для которой, как верно заметил мой ученик Коракс, что красноречие эта работница убеждения, подкрепленное подобными умозаключениями, многого стоит. Так может быть, ты будешь не прочь, присоединиться к нашей школе.

– Мне, конечно, лестно, услышать такое предложение, но имея со своей стороны наблюдательность и аналитический ум (Парадокс решил отзеркалиться и вести свой разговор с Эмпедоклом в его пифагорейском ключе), я не могу не заметить на левой стороне трибун, превосходящее вас количество ваших противников из школы Эвклида. А они, пожалуй, будут не прочь после окончания представления здесь, продолжить его за пределами театра и с помощью логарифмических стимулов, прямоугольных ударов и растяжкой ноги в развернутый угол, проверить на прочность ваши аналитические головы. – Парадокс, выдав эту тираду, следом кивнул в сторону Эвклида, который вновь обретя себя, начал обводить своим взглядом трибуны амфитеатра, где обнаружив самого видного представителя конкурентной школы Архимеда Эмпедокла, начал накалять обстановку в рядах своих учеников. Ну а его ученики, на время антракта, не зная, куда ещё пялиться, теперь обретя для себя цель, очень внимательно изучали достойного их кулака Эмпедокла.

– Что ж поделать, раз путь к истине тяжёл и тернист, и на нём тебя всегда ждут нелёгкие испытания, и множество тех, кто захочет свернуть тебя с верного пути. И пока ты не набьёшь себе шишек и синяков, то, наверное, и не поймешь самой этой истины. Так что, выбор только за тобой. – От прежнего наглого Эмпедокла не осталось и следа, и теперь перед Парадоксом стоял совершенно другой, благочинный, очень благозвучно и вкрадчиво выговаривающий слова человек, которому при этом очень хотелось верить.

– Я, конечно, вижу, к чему весь этот сыр бор, но что поделать раз у меня такая натура. – Парадокс выдохнул и твёрдо заявил:

– Я, готов.

После чего Эмпедокл обнимает своего нового ученика и дабы скрепить это решение, отправляются за неразбавленным вином, которое только в таком виде, подходит для подкрепления ваших наиважнейших решений.

Глава 3

Второй акт. Дионисий со своим девизом «Говори, да не заговаривайся»

– Лучшие люди в изгнании, а городом подлые правят. О, если б Зевс навсегда Кипселидов сгубил! – Терсит в своей горячности при декламации стихов Мегарского не знает удержу и уже не раз заставлял уклоняться от своих опасных для лица движений рук, сидящих и внимающих ему слушателей Цилуса и Гипербола, всё-таки нашедшего свой проход в это ложе элитариев. Где он, запустив вперёд не знающего слова «нет» Терсита, для которого любая свобода превыше всего, сумел-таки добиться для себя аудиенции у Цилуса.

Терсит же, волнующийся о том, что эти элитарии не смогут жить без его указующих мнений на их занимаемое место, тут же начал крыть всех подряд. Ну а когда для тебя свободомыслие не инструмент, а цель, то здесь уж лучше ему на пути не только не вставать, но и не сидеть, что, в общем-то, пока он не разошелся, всё же можно. Ведь демократично настроенному Терситу, плевать на всех и вся, пока он занят тиранами. – Они, придя к власти на гребне народного волеизъявления против аристократии, теперь не слушаются своего избирателя и, значит... – Дальше Терсит, пока что не смог должно с формировать свою мысль, что обязывало его перейти к оскорблениям.

– Ну, я согласен с тобой и скажу, что тираны существуют, тогда как тирания – это всего лишь миф, придуманный в среде аристократии, применяемый в информационной борьбе против своих политических противников, отодвинувших их от рычагов власти, – жжёт Цилус, имеющий на всё свои потаённые аристократические виды. Из чего становится ясно, что он всё-таки, не просто так и не только за одним делом, знакомством с искусствами (что есть его при-

крытие), послан сюда Римом, и он вместе со своим жлобским лицом, несёт в себе умение лукавить, с помощью которого он и пытается прощупать умонастроения политического бомонда Эллады.

– Ага, щас! – вдруг неожиданно вскипел Гипербол.

– Ну, я бы на твоём месте не стал придавать большого значения тому случаю, когда Периандр убил свою жену скамейкой. Ты же знаешь, что такое происходит сплошь и рядом, и что тогда – всех называть извергами и тиранами? – Цилус, выдав свою порцию слов, притянул к себе чашу и, неспешно попивая из неё, по всей видимости, включил своё богатое воображение со всеми этими столь приятными сердцу любого главы семейства, сценами утверждения того, кто в доме хозяин.

– Что ж, неудивительно, что вас так и тянет к диктатуре, – Терсит действительно не знает правил приличия и ведения разговоров с нужными людьми и к неудовольствию Гипербола, лезет со своим замечанием куда не надо.

На что Гипербол, дабы дальше не усложнять для себя этот разговорный процесс, хватает Терсита за его тогу и, прошептав ему что-то на ухо, быстро отправляет его прочь отсюда, и уже оставшись здесь без этих нервных глаз, наконец-то, приступает к своему обстоятельному разговору с Цилусом:

– Я согласен с тобой насчёт того, что женщинам время от времени, не помешает хорошая взбучка. Но Периандр в своих действиях, можно сказать, перешёл все границы дозволенного. Он же заставил мужей видных фамилий переселиться из своих угодий в город, запретил им устраивать совместные трапезы и попойки, а также наложил запрет на занятие гимнастикой всем местным аристократам, – выпалив всё это на одном дыхании, Гипербол не смог не заметить по удивленному с округленными глазами виду Цилуса, что его слова нашли свой отклик в нём.

– Вот это тиран! – правда, из ответа Цилуса не слишком было понятно, чего же в нём было больше – восхищения или зависти к той единоличной власти, которую так специфически использовал тиран Коринфа Периандр.

– А я о чём, – уже несколько нейтрально ответил ему на это Гипербол.

– Я всё-таки вас, демократов, не пойму. Ведь тирания – это результат демократического волеизъявления народа, и тогда что вас не устраивает? – Цилус определенно уже хлебнул лишка, поэтому уже не видит самые простые вещи, лежащие на поверхности, которые самый недалекий, неизбранный на новый срок политик, легко бы заметил – что выбор народа всегда неразумен, очень часто ошибочен и всегда находится в зависимости от довлеющих над чувствами внешних факторов.

И наверное бы, Гипербол, стоило ему только допить налитое в его чашу вино, то сразу же нашёл бы, что ответить этому представителю диктаторского режима Рима Цилусу, которому в виду его инородного положения, ладно, простительна такая слепота и непонимание основ свободы, на которой зиждется демократия... Но тут влез в разговор непонятно откуда взявшийся Это'т, который, повсюд выразившись в различных разнозначительных кругах, устоявшихся вокруг того или иного геройского вида мужа, решил и здесь, в этом кругу, указать на своё центральное место.

Так Это'т, решив передохнуть от своих трудов, вернулся обратно сюда, в это место, где, как он помнил, Цилус уже обдал окружающее своим умиротворяющим и склоняющим ко сну дыханием. А это должно было способствовать временному отдыху Это'та, который, хоть и обладал ни с чем не сравнимой и недостижимой для обычного болтуна выдержкой своего иноязычного языка, но он всё-таки не робот (наверное, потому, что такого слова ещё не придумали, а существуй оно, то кто знает, чтобы на это сказал Это'т) и поэтому нуждался в подкреплении своих сил.

Но когда Это'т вернулся в эту, как он думал, сонную обитель Цилуса, то она к его удивлению, была совсем не сонной, а наоборот, даже очень бодрствующей, где гневность речей Терсита, сначала заставила его не спеша остановиться на месте, а уж дальнейшие речи Гипербола, обнаружили в нём умение слушать, чем он и занялся, приостановившись неподалеку за ушедшим в себя Миносом. Который для того чтобы сохранять свои мысли в свежести, старался не впускать в голову ничего лишнего и частенько таким, созерцательным себя способом, отстранялся от мира, что позволяло другим, в том числе, как и сейчас Это'ту, за счёт него, отстраниться от беседующих друг с другом Цилуса и Гипербола.

Ну и как только Это'т посчитал нужным вмешаться в разговор, то он, не предваряя себя, к недовольству Гипербола, не сходя с места и влез со своим, как он считал, всегда к месту словом. – Когда истина, эта качественная категория, определяется количественным фактором, разве после этого, она может называться ею.

– Что? – всё что только и смог озвучить в себе Гипербол, недоуменно поглядывая на влезшего в их разговор Это'та, которого, он конечно знал, и где как раз эти знания и подсказывали ему, быть осторожным в своих с ним разговорных словах. Ведь кто знает, что там ещё придумает этот Это'т, мастер на всякие словесные мистификации.

– Я про демократию, чьим символом служат весы. – Это'т, удивленно посмотрел на Гипербола и дабы придать своему голосу большей убедительности, подошёл во всей своей Это'та видимости, к бесхозному кувшину, взял рядом стоящую такую же бесхозную чашу (А нечего Гиперболу раскидываться посудой) и сначала поделился содержимым кувшина с этой чашей, затем в свою очередь, очень быстро поделился между нею и собой, ну а когда придёт своё время, то он, конечно, уже окончательно поделится между собой и природой, тем самым осуществив преемственность этого мира, в котором всё живое, есть только переходная форма, эта элементность общей системы под названием природа, входящая во взаимодействие друг с другом, питая и кормя, как себя, так и собою природу.

– Этот, ты, наверное, ошибся. Ведь весы, держит богиня правосудия. – В отличие от Гипербола, Цилус даже и не заметил отсутствия Это'та, и как только тот подал голос, то Цилус сначала даже удивился такой долгой выдержки Это'та, который, как он знает, не может промолчать, а тут и слова от него даже не услышишь. Ну, а когда тот, разродился своим мнением, то Цилус, имеющий юридическое образование и питавший страсть к женщинам с повязками на глазах, конечно, не мог, не выступить в их защиту.

– Ничего подобного. – Это'т ожидаемо начал упираться против не высказанной им истины, которая по этому, не его определению, не могла быть признана им за эту несомненность. – На одной чаше весов большинство, на другой меньшинство, эти две общие категории веса, применяемые для измерения человекоголосов и как результат, определяемый этими весами выбор. И вот, что мне интересно, а какая собственно необходима количественная разница или по возможности, пропорция между этими количественными категориями голосов, чтобы данный выбор был признан за истину. – Это'т обвёл всех присутствующих здесь взглядом и не услышав ни каких предложений, решил самому от себя чего-нибудь предложить.

– Ну, если обратить свой взор к народной мудрости, которая фундаментируется на опыте и даётся нам в виде поговорок и афоризмов, то на этот счёт подойдет поговорка, о тех семерых, которые одного не ждут. Из которой, очень точно даётся понятие той пропорции, при которой принятие решения, может обладать императивной силой. Ну, а когда нам предлагают принять решение, на основании существующего положения большинства, или, к примеру, в пропорциях, 40 к 60, или 30 к 70, или даже 20 к 80, то мне в голову тут же приходит софизм под названием «куча». И Минос, не даст мне соврать, я скажу. – Это'т повернувшись и обратившись ко всё также, стоящему на одном месте Миносу, этим своим заявлением, вывел того из своего спокойного положения, заставив заволновавшись, обратить свой взор на Это'та. Ну а Это'т, скорей всего, вспомнил про него, лишь для придания выразительности и убедительности сво-

ему слогу. – Что, при моём, неприязненном отношении к софистам (Удивленное лицо Миноса скорее говорило об обратном, но на него уже никто не смотрел и поэтому это утверждение Это'та, так и осталось неоспоримым.), я тем не менее, для данного случая привел бы пример известного всем софизма «куча», где невидимая грань истины, при переходе в качество кучи или же в обратное, так и остается вне пределов видимости и понимаемости разума.

– Ну, ты тут, Это'т, хоть и не далёк от истины, но я думаю, что это всё из той же категории, что есть мало, а что есть много. Они вроде бы, несут в себе количественную характеристику, но между тем, подразумевает некую субъективность, которая свойственна вещам, определяющим качество. Вот, смотри. – Цилус, любящий всякую теорию подкреплять практикой, налил себе ещё вина в чашу, чем вызвал во внимающем ему, не двойное чувство жажды. После чего он, непонятно зачем, хотя возможно, для того чтобы поиздеваться над Гиперболом, чья жажда прямо читалась на его лице, смочил свой палец в вине, облизнул его, и принялся к своему дальнейшему аргументированию. – Вот, чаша с вином. Ну и скажи мне Это'т, в ней много или мало налито вина?

– Я тебя понял, Цилус. – усмехнулся в ответ Это'т, для которого все эти загадки с чашами, не представляли сложность. – Но для Гипербола, для его субъективности понимания, всё же скажу. Эта полная чаша, для всех вместе, будет не малой, не большой, когда как, для каждого в отдельности, она в зависимости от его природных качеств, будет для одного мала, а для другого велика, ну а для третьего, даже чересчур чего-то там. И только для самой чаши, это количество, не важно, сколько налитого в неё вина, будет в самый раз. – Это'т, видимо сильно разволновался от всего сказанного и быстро налив себе ещё, тем же скоростным темпом влил в себя то количество вина, которого было в самый раз, для того чтобы, Это'т не удержался на ногах и свалился с них на колени, сидящего рядом с Цилусом Гипербола. На что Гипербол, в общем-то, предпочитавший, чтобы на его коленях восседали нежные нимфы, а не всякая пьянь, которая даже не лезет обниматься, а своими теловращениями, пытается вытолкнуть его с этого заветного, рядом с нужным лицом, места, попытался выразить свой отпор. Но Это'т, обладающий соответственным убойным настроением, в купе с его убийственным запахом чеснока из рта, чьё весомое тело, весьма способствует его замыслу, не по своей, а по воле богов, наградивших его таким телом, очень быстро берёт своё, хоть оно может и не своё, и вытолкнув Гипербола, занимает его теплое место, где он тут же и засыпает.

– Как был рабом, так и остался, рабом своих страстей. – Еле сдерживаясь от того, чтобы своим кулаком не поправить подушку под развалившимся в позе эмбриона Это'том, чья голова свисала с сиденья, Гипербол, в чьи планы входил свой разговор с Цилусом, решил, пока что ограничиться только этим высказыванием. Когда как Цилус, несмотря на свои диктаторские замашки, проявил себя по отношению к Это'ту очень даже демократично, и вместо того, чтобы обрушить свой гнев на своего выпившего на службе работника, снисходительно посмотрел на него, затем перевёл свой взгляд на ожидающего его решения Гипербола, и усмехнувшись, заявил:

– Ну, судя по Это'ту, его чаша на этот раз, наконец-то полна. А вот моя, в отличие от этого счастливица, ещё не достигла должного уровня понимания. Впрочем, если сия чаша не миновала Это'та, то, как я погляжу, (Цилус заглянул в пустоту свой чашки) моя, через свою не наполненность, боюсь, что в скором времени, не минует чью-то незаботливую и пустую башку. – Этот лукавый и очень деспотично настроенный ко всему, когда его чаша пуста, Цилус, очень понятно для Миноса, посмотрел на него. После чего, тот схватил опустевший кувшин и поспешно отправился за следующей малой толикой, которая миновав отметку, в самый раз, должна стать запредельной.

Ну, а пока они остались наедине (выбившийся из сил Это'т не в счёт), то это, как раз то время, когда можно сказать то, чего нельзя было сказать при третьей паре ушей. И Цилус внимательно посмотрев на Гипербола, спросил того:

– Ну так, что вас на самом деле привело ко мне?

И спрашивается, зачем задавать вопрос о том, что и так сам знаешь. А этот Цилус, совсем как та девочка, знающая о всех надеждах, планах и намерениях, того сохнувшего по ней юноши, решившая, что прежде чем ей ответить, на так мучающий этого юношу вопрос о взаимном наличии с её стороны к нему чувств, надо для начала, непременно того вопросительно помучить, а уж потом, когда тот потеряет всякую надежду, оглушить того той новостью, на которую, как он говорил, не мог рассчитывать, а услышав которую, он видимо и впрямь не рассчитал, и пал перед ней ниц (ну, а если не упал, то он скорей всего лукавил и всё же рассчитывал услышать это судьбоносное «да»).

– Я и те, кого я представляю, всегда с сочувствием смотрим на запад. Откуда, как мы считаем, только и может прийти та сила, которая поможет нам установить тот новый порядок, который будет отвечать всем чаяниям наших народов. – Речь Гипербола, несмотря на свою внутреннюю силу, дабы не расплескаться по сторонам, текла практически прямо в уши Цилуса, для чего собственно Гипербол, и наклонился поближе к нему.

– Ну, судя по отдельным его представителям, чаяния народа, не слишком уж и монолитны. – Цилус, чьи глаза в одно мгновение прояснились, как оказывается, умеет держать дипломатическую марку.

– Если ты, насчёт Терсита, то моя намеренность привода его сюда, заключалась в том, чтобы на его примере показать тебе мои возможности, направлять в нужном русле, любые, даже самые горячие головы, как, к примеру, Терсита. Ну, а таких горячих голов, за мной стоит, скажу так, очень даже не мало. – Не меняя свою позу, в том же заговорщицком духе, продолжил разговор Гипербол.

– Интересное предложение. – Цилус, пропустивший мимо глаз ушки на макушках, местами бодрствующего Это'га (всё-таки не зря, на его на груди болтался аметист), но заметивший приближение Миноса (что говорит о том, что наши желания делают нас слепыми к близким нам вещам, но далёким от самих этих желаний, когда как, всё что связано с исполнением желания, придает нам на счёт их дальнорзости), решил обойтись этой короткой ответной фразой.

– Ну, Минос, тебя можно хоть за Танатосом посылать. – Родившаяся бессмертная фраза в устах Цилуса, заставила Миноса и так не слишком довольного, ещё больше скривиться, что, в общем-то, было максимумом от того, что он мог себе позволить. И Минос, дабы не нарваться на ещё какой-нибудь бессмертный афоризм со стороны Цилуса, поспешил заткнуть тому уста, наполнив поскорее его чашу. Затем следует своя необходимость осушить налитое, после чего, вновь протянутая в сторону Миноса чаша, требует своего дополнения.

– Слушай, Минос. – Когда первый приступ жажды был утолён и вслед за телесностью, обрёл свои новые начертания разум, Цилус развалившись на своём полуложе, найдя для своего мыслевыражения новый предмет приложения в виде Миноса, решил обратить на того свой взор.

– А как ты относишься к словам Это'га. – Спросил Цилус Миноса, чем надо сказать, очень сильно озадачил того, ничего не просто не слышавшего, а скорее даже и не считавшего нужным слушать то, что баснил этот Это'т.

– Да так же, как и он к ним. Не критично. – Бросив вслед за Цилусом свой взгляд, на пребывающего в сопящем себе и на ложе Это'га, всё-таки нашёл, что ответить Минос.

– Да ты не так-то прост, как кажешься. – Рассмеялся в ответ Цилус. – Ну а всё-таки, что ты скажешь на счёт приведённого им для примера, софизма «Куча». – К удивлению, а может просто к видимому удивлению Цилуса, Минос, как только услышал упоминание софизм, то сразу же ещё больше потемнел в лице и чуть ли не с ненавистью посмотрел на Это'га.

– Они сами все лжецы. – Минос неожиданно для Гипербола, выпалил из себя это пространственное обвинение и не собираясь, что либо объяснять, пнув ногой по развалившимся

на проходе ногам Это'та, вышел в проход. И если Гипербол, за всеми этими странными действиями Миноса, смотрел с недоумением, то Цилус на это только посмеивался.

– А вот это мой ответ на твой пример. – Цилус хитро подмигнул Гиперболу, который так и не понял, отчего была вызвана эта вспышка гнева Миноса. Но Цилус, не стал тому объяснять (да и зачем делиться информацией) эту не любовь критянина Миноса к материковым эллинам, которых он считал завистниками, которые, не имея возможности оспорить факта того, что их культура зародилась на его родине Крите, стали вести против них грязную информационную войну, в которой не последнее место играли эти игры мысли, софизмы и апории.

– «Все критяне, лжецы», эта запущенная в массы, приписываемая критянину Эпимениду апория, что уже есть однозначно ложь, есть происки этих афинских манипуляторов сознания из партии софистов. – Кипел от гнева Минос, не знавший никакого Эпименида. – Не мог настоящий критянин, зная современную политическую обстановку, даже в сугубо философских целях, заявить такое. Только, если, конечно, он не коллаборационист или же сам лжец. Ну, а если он лжец, то значит его высказывание ложно и все критяне не лжецы, но... тогда значит, он сказал правду. Да как, так то. – Обливаясь потом от этого своего мыслезаключения, Минос ещё больше ушёл в себя. И, наверное, Минос, ещё бы долго пребывал в таком мысленном возмутительном для себя положении, если бы жёсткий удар в его плечо, нанесённый проходящим мимо него, слишком широким для этого прохода плечом воина, не вывел Миноса из своего временного забвения.

– Видишь и мы в этом плане, что-то да умеем. – Всё продолжает лыбиться Цилус, глядя на Гипербола.

– Вижу. – Не слишком доволен ответил ему на это Гипербол. После чего разговор, смоченный в вине, в соответствии с этим смачиванием, смягчается и уже уходит в свою сторону, где их взоры останавливаются в соответствии с крепостью налитого, на тех образах женской стати, которым по мнению того же Цилуса, уже пора бы понять, что лучшего места, чем рядом с ним, им здесь не отыскать. И если Цилус и Гипербол, выпитывали в себя различные виды однозначно гетер, то Минос, которого беззастенчиво сбил плечом какой-то, судя по военной амуниции и его грозного вида спартиат, пытался своим взглядом отыскать этого наглеца. Что, на этом этапе, ему было бы весьма сложно сделать, ведь этот, не разбирающий дороги спартиат Леандр, вместе со своим товарищем Леонидом, прибывшие в Афины в составе делегации на переговоры, находились на верхней площадке у входа в амфитеатр, который в свою очередь находился со стороны затылка Миноса, куда он, судя по его человеческому строению, вряд ли когда-нибудь смог бы заглянуть.

– А, Алкивиад. – Заметив появление несколько запыхавшегося в дороге Алкивиада Никий, к удивлению Алкивиада, выразил воодушевление при его появлении. Чему, скорее всего, способствовало присутствие рядом с Никием этих двух спартиатов, которые, стоило только Никию разразиться этим приветствием, сразу же перевели свой хмурый взгляд на приближающегося к ним Алкивиада. Но ему в данный момент совершенно не хотелось ни с кем говорить, ну а со спартиатами тем более. Правда, Никий, выдвинувшись к нему навстречу, не дал ему возможности увильнуть мимо него куда-нибудь в проход, и Алкивиаду пришлось остановиться для разговора с Никием. А ведь он, ещё совсем недавно, до этой отлучки Алкивиада, совершенно не стремился вести с ним разговоры, а тут смотри-ка, какие перемены.

– К чему бы всё это? Спрашиваю я себя. – Не успел Никий открыть свой приветственный рот, как Алкивиад сразу же вопросительно осадил его.

– Необходимость. И не только моя. – Никий, как хитро посмотрел, так и многозначительно ответил.

– А я, как раз думаю обратное. – Алкивиад, заложив руки крест накрест, бросив свой взгляд на ожидающих от них чего-то своего спартиатов, вызывающе посмотрел на Никия.

– Ну разве правила гостеприимства, не обязывают нас к вежливости. – Никий всё не отстаёт от Алкивиада, который, так и не понимая, что тому нужно, решает дать тому шанс объясниться.

– Всё то, что обязывает, а не идёт от души, по своей необходимости лицемерно. – Всё-таки противоречив Алкивиад, решивший сначала дать Никию шанс, и тут же, решает подрезать тому крылышки.

– Вот и попрактикуйся на дипломатическом поприще. – Никий оборзев в доску, бесцеремонно хватая Алкивиада за локоть и в два шага подводит его к этим грозно выглядящим спартиатам, на лицах которых так и шелхнулся ни один мускул. Впрочем, им незачем было приходить в напряжение при появлении ещё одного из эллинов, которых здесь, как собак не резанных.

– Приветствую вас здесь, посланники дружественной Спарты. – Оказавшись лицом к лицу с этими серьезными лицами, Алкивиад решил, что при разговоре с ними, не стоит им дерзить прямо так в лицо, а вот дипломатия как раз очень даже не помешает.

– И мы приветствуем тебя, Алкивиад. – Заявил в ответ ему, стоящий слева от него, более широкий в плечах, обородивший своё лицо обладатель пронзительного взгляда Леандр, по интонации голоса которого, Алкивиад обладающий музыкальным слухом узнал в этом голосе того, первого закустного заговорщика. Ну, а раз Леандр, был одним из тех заговорщиков, то всего вероятней, стоявший рядом с ним, пока ещё не проронивший ни одного слова его товарищ, следуя логике, где презумпция виновности играет свою определяющую роль и есть тот второй заговорщик. Ну а как только Алкивиад узнал их, то его сердце, сейчас же, с придыханием решило позавязывать шнурки на пока что его сандалиях. Правда сам он сам хоть и сглотнул комок несвежести, но вдруг к своему удивлению, дерзнул на резкость.

– Что я бесспорно ценю в Спарте, так это умение выходцев из нома Лаконии, вести разговор. Так что, давайте не будем отступать от этих правил и скажем друг другу то, что хотели. – Алкивиад, дерзостью своих речей, немало смутил, как Никия, так и этих спартиатов, явно не ожидавших такого напора красноречия Алкивиада. А ведь они всегда при себе имели аргументы в виде огромных кулаков и в крайних случаях, чего по острее

– Неожиданно. – Только и промолвил Леандр, сурово глядя почему-то на Никия, который после этих слов Алкивиада, несколько даже поник.

– А я, как раз думал, что ваш друг Никий, вам объяснил занимаемую мною позицию по Спарте. А из неё, можно сделать только один вывод. Мне с вами, говорить не о чем. – Алкивиад не даёт даже возможности собраться с мыслями спартиатам, и уловив этот момент их забвения, быстро оставляет их здесь, в своём от него забытьё.

«Диоген». – только это имя сейчас, вбившись ему в голову, не даёт Алкивиаду покоя. А ведь он, возвращаясь обратно к амфитеатру, сначала сделал крюк на то место площади, где находилась эта последняя достопримечательность города, бочка Диогена, но к своему удивлению, её не было на месте. Что ещё больше встревожило его и он, устремившись сюда к амфитеатру, уже здесь на месте, где находилось всё знающее обо всем и обо всех общество, решил разузнать о том, что произошло с Диогеном. Так что для него было объяснимо, такое его нежелание задерживаться с этим Никием и его новыми друзьями. Что, правда, для них, это было мало понятно, и воспринято, как и положено, при недопонимании собеседника, как игнорирование их мнения, чему всегда служит дерзновенность собеседника, которому просто необходимо преподать свой насущный урок. И если спартиаты, об этом не промолвились, то невыразимость их лиц, посмотревших вслед Алкивиаду, однозначно предусматривала подобный вариант развития событий вокруг задницы Алкивиада, над которой сгустились свои грозные тучи.

– Критон. Ты что-нибудь слышал про Диогена? – Алкивиад, потолкавшись в нескольких знакомых кругах и не добившись ни от кого ответа на свой насчёт Диогена вопрос, наконец-то,

обнаружив своего друга Критона, решил спросить его. Правда, занимавший свою центровую позицию в кругу внимающих каждое его слово молодок Критон, услышав зов Алкивиада, отчего-то не сразу выразил готовность броситься на зов своего друга. Чему, наверное, было объяснение в этих глазах напротив, красотики Антигоны. Так что, Алкивиаду пришлось о себе два раза напоминать и только лишь когда он ворвался в этот круг и отстранив собой Антигону, то лишь тогда Критон, соизволил, правда, с недовольной физиономией, быть услышанным.

– Да разве ты не знаешь, что Диоген появляется оттуда, откуда его совершенно не ожидаешь увидеть. – И стоило только Критону проговорить эту верную, основанную на практике истину, как поднявшийся шум со стороны центрального входа в амфитеатр, заставил всех здесь и там, и там стоящих обернуться туда, по направлению этого нового звукового оформления, словесного ристалища граждан Афин. Критон, как умелый рассказчик, зная, что укромные места всегда сопутствуют познанию, вёл свои просветительские беседы в немалой отдаленности от всей этой словесной и толкательной суматохи, в одной из тенистых аллей. Ну а там, в тени оливковых деревьев, всегда можно скрыть, а пожеланию раскрыть свою благожелательную расположенность друг к другу.

– Что там случилось? – толкая и вопрошая друг друга, в общем, занимаясь одним и тем же, что, конечно, способствует сплоченности, правда при этом, никак не продвигает вас в деле поиска ответов на все эти однозначные вопросы, двинулись по направлению этого шума все те из стоящих здесь, кому было свойственно любопытство, ну, в общем, все. Ну, а судя по тому, что все с таким воодушевлением принялись расталкивать, затаптывать и поддавать исподтишка друг друга, то наверное, то, что случилось, стоит того и всех этих дорожных неприятностей, на которые себя обрекли все эти, рвущиеся вперед к эпицентру событий зеваки.

Правда, часто случается так, что для тех, кто побывал под ногами толпы, это главное событие, к которому все так стремились, после того как по его очень не милосердно втоптали в грязь более удачливые соперники по зрительскому искусству, то по сравнению с желанием узнать, какая же, падла, отдала ему самые близкие для его естества места, уже не вызывает столь большой интерес. Это в них говорит ревнивость к тем, кому удалось занять лучшие для просмотра места.

– Диоген! Диоген! – До Алкивиада, ещё не сумевшего добраться до места обозрения, донеслось это заветное имя, звучащее в устах тех, кто там впереди, первым оказался среди тех счастливых, кто смог увидеть всё то, что вызвало это столпотворение.

– Дайте, пройти. – Сопровождая свои локтетолкательные движения этой напористой просьбой, Алкивиад удивлял и раздражал тех, на кого приходились его слова и действия.

– Ну, Диоген, молодец. Умеет же, завоевать внимание зрителей. Лучшего перформанса не видал. – Чем ближе Алкивиад приближался к месту, с которого ему, хотя бы одним глазком, можно было увидеть, что там происходит, то тем чаще звучали все эти восторженности от увиденного, что ещё больше заставляло усердствовать его в своем стремлении к знаниям.

Когда же Алкивиад, приблизившись к относительно свободному месту, так сказать, достиг своей цели, то он смог посмотреть лишь в прорезь меж плечевого пространства стоящих впереди незыблемой стеной зевак, чья сила воли вместе с их занятиями гимнастикой, наконец-то оформилась в практическую область, позволив им занять свои первые зрительские места здесь на входе. Ну а тем, кто не слишком усердствовал на тренажерах, придётся постоять сзади и довольствоваться своим за спинным местом. Ну а Алкивиад, был и этому рад, где он наконец-то, хоть что-то для себя заметил из того, что случилось.

И хотя он, уже прибыл к окончанию всего происшествия, и всё самое интересное уже просмотрел, между тем, он был рад и тому увиденному, что осталось на его счёт. Заметив разбитую напрочь бочку, из которой первые опомнившиеся зрители, принялись вытаскивать мало что соображавшего Диогена, Алкивиаду не показалось, что тот был слишком готов к такому безудержному повороту событий, на который сегодня обрекла его, всего вероятнее, не его,

а чья-то другая рука. Правда Алкивиаду, тут же вспомнились слова Диогена «Философия дала мне готовность, ко всякому повороту событий». Так что, Диоген, в принципе должен был готов к тому, что когда-нибудь, кто-то из особых почитателей его таланта, захочет его прокатить в своей же бочке, которая, как понял Алкивиад, чьей-то заботливой рукой была прикрыта вместе с Диогеном и прокачена вместе с ним до этого места и уже отсюда, придав ей ускорение, отправлена вниз на сцену театрона.

– А что-то по виду Диогена не скажешь, что он остался доволен своей очередной выходкой. – Кто-то очень наблюдательный заметил эту потерянную в глазах Диогена.

– Это по тому, что она оказалась прокатной. – В толпе зевак всегда найдутся свои циники, смотрящие на всё под углом смекливого веселья, чем всегда вызывают дружный гогот таких же весельчаков, для которых уже радостно то, что не они, а кто-то другой оказался в этой бочке. Ну, а вслед за веселыми циниками, всегда наступает свой черед злопыхателей, которых всегда найдется своё необходимое количество, чего в случае с Диогеном, и с его всем известным нравом, можно было не сомневаться, найдётся не только достаточное, но и очень предостаточное количество.

– Будет знать, как срывать мои лекции. – Первым заявил о себе Анаксимен Лампсакский, прибыв на урок к которому, Диоген, достав рыбу и начав её чистить, тем самым внёс свою лепту в срыв этого урока. «Но что стоит лекция, если какая-то солёная рыбка опрокинула твои рассуждения?». – так и стояли слова Диогена перед Анаксименом, чья злобная ухмылка исказила его лицо, вглядывающееся на облитое водой лицо Диогена, который уже начал постепенно приходить в себя.

– До плевался. – Следом последовала свое резюмирование со стороны дородного и очень важного гражданина в дорогом хитоне, который вслед за сказанным, рефлексивно вытер со своего лица невидимый плевок, которым, судя по его высказываниям, в своё время наградил его Диоген и о чём перешептывались между собой злые языки, имевшие своё не отличное от Диогена мнение насчёт этого скупердя. Который в своё время, решив похвастаться своей роскошью жилища, на свою неосмотрительность, привёл в дом Диогена, где сходу и заявил ему:

– Видишь, как здесь чисто, смотри не плюнь куда-нибудь, с тебя станется. – После чего Диоген осмотрелся и плюнул ему в лицо, заявив: «А куда же плевать, если нет места хуже». – Так тебе и надо Навуходоносор. – Видимо уж очень сильно припёк его Диоген, раз так совершенно не сдержан этот степенный гражданин, разбрасывающийся такими трудно-постижимыми и трудно-выговариваемыми для простых смертных словами. Хотя, как не припёк, а даже ещё так, что Хилон (этот степенный господин, который не смог вынести наплевательское к себе отношение.), тёзка одного из семи известнейших древнейших мудрецов Эллады, когда-то сказавший: «Познай самого себя», теперь готов на всё.

Что, наверное, и послужило тем побудительным мотивом плевательных действий Диогена, решивший, таким, слегка не деликатным образом, дать Хилону возможность задуматься над очертаниями своего лица в этом мире. Но Хилон, и близко не стоявший к мудрецам, не оценил по достоинству это послание Диогена, тогда как сама эта выходка Диогена, была оценена теми, которым только дай повод оплевать всякое хорошее дело. Вот эта та, масса подражателей, взяв на вооружение такой подход к делу со стороны Диогена и принялась доставать своими плевками Хилона, который только после этого наплевательского, очень смачного к себе отношения, смог, наконец-то, по своему исплеванному достоинству, как оценить поступок этого, увижу, придушу Диогена, так и познать самого себя, и на то, на что он способен.

Ну, а когда Хилон получил свою порцию наплевизма, то эти подражатели, не имеющие ничего святого, назвавшие себя взрывным именем «Гексоген», уже принялись жечь своим напалмом лица тех, кто, по их мнению, замарал себя бесчестьем в торговле. Для усиления силы поражающего элемента, своего плевка, эти анархически настроенные граждане, размалывали

во рту жгучий перец наравне с чесноком, отчего плевок, воистину становился горячей смесью, чьё попадание в лицо, и особенно в глаз, могло привести к большим осложнениям.

Ну а когда вещь пахнет субъективизмом, то не надо быть провидцем или тем же мудрецом, чтобы понять, что эта анархическая группа «Гексоген», в скором времени была взята кем-то под строгий контроль и уже исходя из этого выкупа, и действовала против несговорчивых торговцев.

Но впрочем, Алкивиад всё это знал, и он не желая тратить время на эту значительность, вновь вернулся к Диогену, правда сейчас, из-за поднявшегося гула, уже все эти остракизмы слились воедино, и кроме шума уже ничего нельзя было разобрать.

Алкивиад же, слыша все эти громогласные правожелания этих столпившихся зевак, где, наверное, каждый второй из стоявших здесь, имел свое удовольствие на встречу с Диогеном, из которой уже каждый первый из них, оформлялся в своего качественного хулителя Диогена и, наверное, уже на основании этого, не нужно было долго искать тех, кто бы пожелал приложить свою руку к этой поездке Диогена в своей бочке. А ведь, стоящий недалеко от Алкивиада Платон, имел не меньше причин для претензий к Диогену, за его насмешки над его, как он назвал, платоновским человеком, где Диоген на всеобщее обозрение показал петуха, обозвав его этим платоновским человеком. Но Платон, всё-таки проявил сдержанность, и не стал пускать свои проклятия в его адрес. Что, конечно же, выглядело очень даже подозрительно, и всякий имевший аналитический ум, то, тот, наверное, сделал бы для себя соответствующий вывод, но Алкивиад имевший уши и уже раз слышавший один разговор, решил, пока что не останавливаться на Платоне.

– А вот это, видели! – Вслед за брошенным в толпу жестом в виде выставленного вверх среднего пальца руки, Диоген, поднявшись на ноги, громко заорал, на что последовал ответный взрыв трибун, восхищенных силой боков Диогена, сумевших устоять после такой своей мощной взбучки. Этим своим жестом, Диоген, первый применивший его на практике, как например, указав на Демосфена и заявив при этом: «Вот вам, правитель Афинского народа», – можно сказать, снискал славу себе и этому недооцененному пальцу, который со временем стал конкурировать с указательным, а в виду своей твердой позиции насчёт того лица, на которого был направлен средний палец, можно сказать, завоевал своё чёткое место в своем ситуационном применении.

Алкивиад же, удостоверившись в том, что с Диогеном всё в порядке, и его жизнь всё также бьёт ключом и движется по накатанной, постарался развернуться, и как только вывернулся, то выдвинулся в обратную сторону, с целью найти для себя, сначала отдельно от толпы себя, а уж потом и всё другое.

– Эх, Диоген, Диоген, Диоген. – Оказавшись на пустом пяточке площади, Алкивиад, причитая и раскачивая в стороны свою голову, этим своим движением попытался разогнать ту predeterminedность, смахивающую на обреченность, судьбы Диогена. Который, как плевать хотел на кого он вздумает, так и будет продолжать это делать, плюс показывать свои неприличия, когда и кому он захочет, до тех пор, пока не пожелает, задержав своё дыхание, уйти из жизни самому без всяких на то напоминаний.

Глава 4

Вечерний разгар Дионисий

– Ты же знаешь, что ни одна выстраданная слезинка сочинителя, не должна пролиться, если не бесславно для самого сочинителя, то, как минимум, бесследно для тех, кто его не оценил. – Донесшийся из глубины подворотни голос, сначала смутив, заставил остановиться на месте, пустившего на самотёк свои слезы отвергнутого Софоклом сочинителя, который ещё находясь во внутренней прострации, ничего не понимал, и уже потом, убежденностью своих слов, заставил этого горе-сочинителя внимать ему.

– А, зрительская небрежность, эта личностная неблагодарность к авторскому труду, для которого мы страдаем и не спим ночами, разве она не ранит сочинителя в самое сердце, выбивая из-под его ног, то единственное, что связывает его с этим миром. – Слезливый поэт, вытерев свои слезы, готов был подписаться под каждым сказанным словом незнакомца, который всё также таился в глубине подворотни.

– А ты кто? – как только незнакомец на миг затих, то наконец-то, осмелился на своё слово поэт.

– Я такой же, как и ты, отвергнутый снобизмом признанных авторов, начинающий сочинитель. Но я всё же, не опустил руки и теперь на деле вершу свою трагедию. – Если первая часть предложения, была произнесена несколько заунывным тоном, то его окончание, своей мрачной предрешенностью, заставило поэта похолодеть от предчувствия чей-то обреченности.

– Я слышал о тебе. – Поэт, не смотря на испуг, вызванный этим своим воспоминанием, не бросился прочь наутёк, а всё также стоял на месте и всматриваясь в темноту, пытался рассмотреть того с кем он говорил.

– Ну, тогда ты, не должен страшиться меня и тем более своей судьбы. – Интонация голоса незнакомца, завораживающе подействовала на поэта, который оказавшись во власти этого голоса, уже не мог ничего поделать, как только действовать в согласии с этим голосом.

– А я и не боюсь. – Сделав один шаг по направлению незнакомца, ответил ему поэт.

– Тогда, ступай за мной. – Незнакомец, поманив рукой поэта к себе, углубился в темноту подворотни, куда вслед за ним, со словами: «Я иду за тобой, двуликий Я...», – проследовал и поэт. Откуда спустя мгновение, донёсся истошный женский крик, который, впрочем, так и остался никем не услышанным в этом безлюдном месте. Где в это вечернее время суток, только и тешат свое самолюбие и отвагу, единственно, что только любители авантюрных путешествий, чьи головы лучше бы увидеть сложенными на плахе, а не в какой-нибудь подворотне или подворье среди свиней. Правда, сегодняшней вечер закрывающий празднества Дионисий, скорее предопределял необходимость таких вечерних праздных шатаний, в поисках того, чего и кого душа желает, ну или, в крайнем случае самого себя и своего места в этом полисе. Где и в какой его части, ты, протерев свои глаза после временного безпробудия, так ещё и не понял, как оказался.

Правда, по шуму доносящемуся со стороны агоры, можно было предположить, что некоторая, а если приглядеться поближе, то можно добавить, что весьма внушительная часть участников Дионисий, всё же сразу нашла себя и своё, а в особенности место вон того недоумка, на которое другой, в отличие от него доумок, сейчас, с помощью убедительного аргумента в виде броска через плечо, и укажет. Конечно, этой встрече способствовало очень многое, а в особенности тождественность её участников, где на одной стороне, по мнению противоположной, находятся недоумки, ну а, на другой, находятся, правда уже, по мнению другой стороны, ещё большие недоумки. С чем сложно спорить, когда звучит такая убедительность в направленных друг на друга пылающих ненавистью взглядов, готовых с помощью любых подручных инструментов, убедить противника в своей, а не в его правоте.

А ведь у них, судя по их брошенным в друг друга репликам, где они все недоумки (на одной ступени умственного развития), деланные одним местом (общий генетический код), п*дары (одной сексуальной направленности), как оказывается, столько общего. Но видимо следуя закону однополярности, когда однополюсность может только отталкивать, они не могут ничего поделать и, подчинившись своей однополярной судьбе (из чего можно сделать единственный вывод, что только многополярный мир будет способствовать миру во всем мире), они раз за разом и выносят мозг своим противникам.

Ну, а если что или кто, настроен, да и к тому же ещё настоялся (ведь все знают, что годы настойки не проходят бесследно и придают, как крепость, так и звёздочки напитку. Ну а здесь, хоть прошли и не годы, но им и не звезды светят, а всего лишь фонари под глазами),

то это для случая, с его судьбоносностью, практически накатанная дорога, по которой колесо фортуны полетит, как по маслу. Что и случилось в своё время, между участниками этих двух, давно поглядывающих друг на друга враждующих групп, состоявших из последователей Архимеда и Эвклида, всегда готовых за свои убеждения, если надо будет, выбить челюсть, сломать нос, ну или в крайнем запущенном случае, проломить голову, особенно тому усердному недоумку, по всей видимости, предпочитающему доказательства от противного, которому и заехали с ноги, прямо в самое не хочу дальше видеть и слышать стоны этого недоумка.

Но всё же, как бы не были настроены друг к другу эти последователи конкурирующих между собой школ, всё-таки, для того чтобы мысли материализовались в свою материальность, необходима своя спичка (что-то кто-то, забежал вне времени вперёд. Ведь в те времена, для розжига использовали стёклышко. Ладно, используем свою метафорическую спичку), в качестве которой, и выступил разговор между собой Парадокса и его нового учителя Эмпедокла, которые по окончании представления, выйдя на площадку у входа в амфитеатр, не заметив видимых причин (представителей школы Эвклида), а надо бы лучше смотреть за собой, принялись о чём-то говорить. Ну а в это время, присев на корточки для того чтобы завязать сандалии, а может быть и быть поближе к знаниям, передаваемым Эмпедоклом Парадоксу, рядом с ними находился незамеченный Пофирий, эта правая рука Эвклида, мимо ушей которого ничего и не прошло. В общем, мимо него не прошли все эти возмутительные для каждого геометра слова, произнесенные, уже видимо расслабившимся Эмпедоклом.

– Судьба, со своей линией, вот кто самый великий геометр. – От этих слов Эмпедокла, Пофирий, не знавший никого под именем Судьба, поразился такому беспрецедентному, нет, не утверждению, а самоутверждению этого наглеца, отчего он даже спутал шнурки и, не удержав равновесия, в тот же момент упал в ноги Парадокса.

– И то, что предначертано ею, неоспоримо. – Эмпедокл, заметив, что Парадокс подался вперёд, что стало следствием падения ему на ноги сзади Пофирия, несколько удивился, а затем, сопоставив сказанное с этой несуразностью, рассмеявшись, сказал:

– А я что сказал. – Ответом на что, послужил крик: «Наших бьют», – и последующий нарастающий шум, по мере приближения бегущих ног тех, кто посчитал за дело чести, не дать в обиду этих своих наших. А ведь, как пока ещё мог слышать Эмпедокл, этих защитников наших, как оказывается было не просто много, а судя по тому, что они неслись со всех сторон, очень даже много. Что, в общем-то, в местах компактного проживания народонаселения, так и должно быть, и поэтому нечего потом дуть и так набитые щёки, что ты сам попал под весьма нелегкую руку того, кого ты ещё вчера считал нашим.

– Ну, что, готов постоять за геометрию и за свои убеждения? – Эмпедокл, встав в позу кулачного бойца, посмотрев на Парадокса, спросил того о его выдержке.

– Готов! – Сделав угрожающий вид, Парадокс, отпнув от себя Пофирия, очень точно скопировав у Эмпедокла его кулачную стойку, повернулся в другую сторону, с которой неслись на них свои не наши.

– Ну тогда, не бойся, я с тобой. – Похлопав Парадокса по плечу, сказал Эмпедокл, который с этого своего внушительного размаха, введшего в заблуждение несущегося на него первого желающего неоспоримых доказательств, обрушился на его голову кулаком. Ну а она, поразившись такой аргументацией, не справилась с такой необычной для неподготовленных голов аргументацией и, погрузившись в себя, ослабила рычаги контроля над телом этого бегуна, обгоняющего всех и свои мысли, после чего и свалила его первого к ногам Эмпедокла.

– Первый пошёл. – Эмпедокл, усмехнувшись, повёл свой счёт (сидящий в нём математик, разве может остаться не при делах).

– Есть второй. – Спустя пыхтящую минуту, проговорил Парадокс, который, не обладая большими практическими знаниями в ведении счёта, только с третьего раза справился с напавшим на него умельцем, который к своему удовольствию, но неудовольствию Парадокса, прежде

чем наткнуться на его прямой контр аргумент, всё-таки сумел тому потрепать его уши, заехав по ним пару раз.

– Я бы сказал, что ты слегка запоздал. – Пару прилежащих тел рядом с Эмпедоклом, говорили о том, что тот, также силен и в грамматике. А ведь когда возникает подавляющее преимущество не по очкам, то у обладателя этой несомненности, глядящего на всё то, что он надеялся и ещё возможно наделает, вдруг появляется нестерпимое желание поделиться хоть с кем-нибудь своим мнением. Ну, в общем, поговорить и сделать несколько существенных замечаний на счёт всего произошедшего, без чего его героические действия, скорее всего не будут иметь того значения, если о них умолчать. И о чём, несомненно, необходимо завести речь, сразу же не отходя от места действия.

Ведь кто знает, как всё дальше пойдёт, где в этой, возможной дальнейшей перспективе, тебе будет, или нечем говорить, или ни о чём говорить, или ещё хуже, тебе придется задаваться вопросом, а кто знает, кто собственно я. Ну, а пока что, тактика ведения боя последователей Евклида, позволяла иметь небольшие передышки, то тогда, почему бы, этим не воспользоваться.

Впрочем, от геометрически настроенных приверженцев Евклида, эта их тактика, где они придерживались очередности подбега к месту схватки, а не какого-нибудь столпотворения, было вполне ожидаемо увидеть. Ведь эта их очередность или будет вернее сказать, упорядоченность действий, была своего рода продолжением их теоретических воззрений на точку (некая абстракция) и линию (длина без ширины), состоящей из ряда последовательно стоящих друг за другом точек, где любое замедление или задержка в одном месте больше двух абстрактных тел (точек), приводит к образованию не просто жирной точки, а целого узла проблем, с которым потом хлопот не оберешься (А все знают, что каждый геометр предпочитает для себя прямые решения).

Ну, а раз, возникло такое плачевное для последователей школы Евклида положение, которое в свою логическую очередь (или наоборот, что уже было не важно) вызвало свою тождественность, очень даже ничего положение Эмпедокла, то эта ситуация, для придания себе большей героической эффектности, требует подкрепить её каким-нибудь, лучше, конечно, дерзко-героическим высказыванием, на которое первым и решился Парадокс.

– Прогресс. – Оглядев рост числа поверженных тел вокруг Эмпедокла, Парадокс дал свою оценку его действиям.

– Я бы сказал, прогрессия, и пока что, только арифметическая. – Явно недовольный, что эта прогрессия не геометрическая, Эмпедокл несколько сдержан в высказывании своей радости. Что, конечно, может быть связано с тем, что появившаяся на подходе новая очередь к нему, пока ещё не абстрактных точек, требовала своего внимания.

– Всему своё время. – Парадокс своей самоуверенностью, явно удивил очень выразительно посмотревшего на него Эмпедокла.

– И откуда такая уверенность? – Решил засмеяться в ответ Эмпедокл.

– Оттуда. – Парадокс для начала показал Эмпедоклу свой окровавленный кулак, а затем добавил:

– Если что, я тебе помогу.

Что и говорить, а Парадокс когда разгорячится, то сам не знает что несёт. Хотя, Эмпедоклу было удивительно приятно, это слышать от этого дохляка.

– Это как же? – Эмпедокл всё же не удержался и спросил Парадокса.

– Два независимых события, становятся условно зависимыми при условии, что хотя бы одно из них произошло. – Такой длинный ответ Парадокса Эмпедоклу, во-первых, говорил о том, что он, либо умел говорить очень быстро, либо же, что противник ослабил на него давление и у Парадокса было время на это рассусоливание, ну а во-вторых, он видимо, не имея

возможности поразить Эмпедокла своим искусством в кулачной бою, решил поразить того этой заумной белибердой.

– Ладно, сейчас некогда, потом будет время, порассуждаем. – Всё-таки Эмпедокл, умея чётко распланировать занятия, не зря занимал своё учительское место, на которое сейчас претендовал, оказавшийся очень упорным огромный детина, который скорее всего, был не особо прилежным учеником и поэтому в воспитательных целях был зачислен в школу Эвклида. Ну а таким, время от времени, небольшая взбучка, никогда не повредит.

– А-га. – Улыбнулся в ответ Парадокс и с этой же улыбкой полетел вниз, где при изменении его скорости падения об оземь, замера его носа, и степени сотрясения мозга Парадокса, можно было бы сделать, столько очень важных заключений. Вообще, падение Парадокса, вызванное приложенной силой кулака, направленного в его физиономию, действия которого, не прошло мимо своей цели и попало прямо в десяточку или в его пятак (до десяточки, этот юнец ещё не дорос), это можно сказать целый кладёз задач и решений для аналитически настроенного геометра, который не заглядывается на абстрактные звезды а, глядя на обыденные вещи, пытается через простое, раскрыть тайны мироздания.

А ведь, сколько в данном случае можно произвести расчётов, из которых, на первом этапе можно будет определить физическую составляющую, участвующих в столкновении объектов, после чего, по силе нанесённого удара Парадоксу, которая также подкрепляется полученными последствиями (ссадинами, различными носовыми слонами, гематомами. Как видно, для врачей тоже найдётся своё обширное место для их практики) на лице рухнувшего об оземь объекта, можно будет определить степень неприязни его диалектического соперника. После чего, на основании этих данных, делаются выводы о соотношении применения силы в случаях возникновения противоречий, из чего уже составляется своя таблица, впоследствии по которой, при возникновении подобных ситуаций, можно будет судить о пропорциональности применения силы.

Хотя, конечно, данный случай, есть всего лишь частный случай, и для того чтобы составить такую таблицу, необходимо сделать не мало замеров, во благо которых, в отличие от Парадокса и старается Эмпедокл, нанося свои разящие удары по спешащим обрести свою не абстракцию последователей Евклида. В чём Эмпедокл, когда с левой, а когда с правой, не прочь им помочь, имея свою точку зрения на Евклидову точку (ту, что не имеет частей), когда как для пифагорейцев точка, была завязана на числовой единице, в которой точка имеет своё, теперь уже лежащее рядом с ним, Эмпедоклом, положение в пространстве.

Но как бы не умел и ловок не был Эмпедокл, всё-таки и ему перепадало своё, и он, наверное, как никто другой знал, что в один момент, критическая масса (минимальное количество делящегося вещества, необходимое для начала самоподдерживающейся цепной реакции деления) нападающих, превысит его возможности для отражения нападения и обрушит его вслед за другими вниз, чему может помешать только одно, а именно то, что он в этот критический момент и услышал.

– наших бьют. – Вновь прозвучавший, призывающий к действиям голос, бальзамом пролился на уставшую от этой напористости своих диалектических противников душу Эмпедокла, который теперь уже не видя в этой человеческой каше никого, всё же знал, что он не один и значит, его не так уж сильно и избыют. И точно, спустя шаговое мгновение, на площадь выскочила другая группа людей, по всей своей видимости, придерживающихся совершенно других взглядов, в которых матричное строение имело свое преобладание, что и позволило им, всей этой лавой обрушиться на эту линейную протяженность любителей плоских решений.

Ну, а дальше, можно сказать дело было за временем, которого к удивлению, всегда так мало и которое даётся всем так ограниченно временно, и пифагорейцы, потеснив, как они их называли плоскогрудых, уже готовы были праздновать победу, как появившиеся, как всегда не во время, стражи порядка, эти дубинщики, которые, не разбирая учёности голов (По их мне-

нию, дубинка уже сама определит учёную степень головы. И если твоя мысль крепка и основательна, то её никакой дубинкой не выбьешь, и значит, она имеет право на жизнь. Что, в общем-то, имело уже своё право на жизнь), обрушив на них свои дубинки, тем самым вызвали хаос в отношениях бывших противников.

Ну а для них, нет ничего более непримиримого, чем отсутствия вычерченного порядка, что может на время сгладить их противоречия и позволит объединиться против этой безфигурности, что ими и было тут же продемонстрировано, в плане объединительного бегства с этого места происшествия. Где спустя это бегственное время, остались на виду только несколько пойманных дубинщиками за руку бойцов, а также сидящий на земле Пофирий, бросающий свои взгляды отчаяния по сторонам и зывающему к непонятно кому: «Где же ваши очи разума». Что и довершало эту картину бегства даже тех, кто ещё не давно, как казалось, не мог и встать.

– Что там ещё случилось? – воскликнула Антиоха, очень вовремя спасённая Гением, спрятавшего её за свои плечи, от бывших ещё недавно борцов, а сейчас спринтеров (не иначе готовятся к олимпиаде), которые, не разбирая дороги, ломались с места побоища, по этому переулку, где и шли Гений и Антиоха.

– Видимо теория, вступив в контакт с реальностью, не выдержала противоречий и тем самым вызвала такое броуновское движение. – Слишком уж заумно ответил ей Гений.

Ну а что, можно было сказать в его оправдание, кроме разве того, что всё-таки военная служба налагает свою печать независимости понимания того, какие слова необходимо употреблять при разговоре с женским полом, совершенно не пылающей страстью ко всяким этим премудростям философской жизни, к которой стремилось большинство эфебов, в том числе и Гений. А ведь он, во время несения им военной службы, в виду отсутствия женского пола, испытывал крайнюю необходимость излить своё желание или будет лучше сказать (а то это «желание», слишком двояко звучит), найти для себя область преткновения его сил... Нет, опять не пойдёт (ну, а что поделаться, когда мысли крутятся вокруг только одного), в общем, постараться обрести философский взгляд на жизнь.

Но, как оказалось, не всё так просто, и одного желания не желать или хотя бы переложить своё желание в другую плоскость, так сказать сублимировать, будет мало, для того чтобы решить эту насущную проблему. И ведь стоило только Гению обратить свой взор на учение семи великих мудрецов древности, как и здесь ему виделась своя неприкрытая правда его жизни, в которой каждое великое изречение мудреца, осмысливалось им в соответствии с его нервной ситуацией.

«Жизни конец наблюдай», – повторялось Солоном Афинским. Что, конечно, и с Гением случалось, но он уже не мог этого выдержать наедине с самим собой, отчего тут же откинул труды Солона подальше от себя. Возможно, тут существовал свой философский подтекст Гения, считавшего, что то, что даёт начало жизни, не должно носить такое конечное название. Так изречение: «Всё имеет свой конец и своё начало», для него было несомненно ближе, правда, опять не решало его проблемы возмужания.

«Мера важнее всего», – Клеобул говаривал Линдский и вместе с ним поговорка милетинца Питтака «Лишку ни в чём!», сразу же были отвергнуты Гением за их такую абстрактность мышления. Ну, а два из последних изречения: «Ни за кого не ручайся» – Фалеса Милетского и «Познай самого себя» – Хилона, и вовсе вывела из себя Гения (Да сколько уже можно познавать себя!) плюнувшего, как на свои иструженные руки, так и на этих многословов. Ну и вся эта словесная неопределённость, в конце концов, и подтолкнула его к собственноручному, тьфу, созданию философского труда, со своим взглядом на жизнь и девизом: «Без практики теория ничто».

Но судя по его первым практическим шагам в сторону обретения понимания с Антиохой, его учение было ещё слишком сыровато и что его девиз, скорее всего, смахивал на метод познания, чем на постулат. Что, в общем-то, для Антиохи, опиравшейся в своих действиях на другую, весьма авторитетную в женских кругах школу, где учителем была природа, не имело никакого значения, когда его такие близкие и красивые глаза, дополняли все эти пробелы в его словах и знаниях.

– Ну и пускай. – Взмахнув своими ресницами, Антигона, глядя на Гения, отмахнула все эти сторонние для них не значения.

– Я, кажется, нашёл свою точку опоры, с помощью которой я смогу перевернуть мир. – Глядя Антиохе в глаза, так и не убрав своей руки с её хрупкого плеча, проговорил Гений эту свою, а может не свою мысль. Что даёт нам основания предположить, что Гению всё же было ближе учение Архимеда, нежели Евклида, который был замечен в склонности переводить все свои действия только в одну плоскость.

Но это не важно, если связка слов в данном случае подходит только тебе. После чего он, видимо для того чтобы придать существенности сказанному, ещё больше облокотился на Антиоху, которая в свою очередь, услышав эту пространственную сказанность на свой счёт, под которой угадывалось очень перспективно много, даже немного воспылала восторженными (за такую предоставленную ей ответственность) чувствами к себе (К нему? Ещё спрашиваете. Хм.). Ну а вслед за этим, Антиоха почувствовала со стороны Гения, это слегка возросшее весовое давление на её плечи.

А ведь кто, кроме него знает, что там он увидел у неё в глазах, и кто, опять же кроме него знает, чего он теперь задумал, сделав возможно ошибочные для себя и для неё выводы, решив прямо сейчас, ни сходя с этого места, оперевшись на свою очень хрупкую точку опоры, переворачивать, как свой, так и, между прочим, и наш с вами мир.

Правда, судя по тому, что мы ещё стоим твёрдо на своих ногах, и ещё никуда в таргары не улетели, то Гению, пока что не удалось перевернуть наш с вами мир, чего не скажешь про Антиоху, чей мир однозначно перевернулся. Ведь судя по её, не слишком устойчивому положению на ногах, из-за чего ей пришлось, прижавшись спиной облокотиться на колоннаду, и по её взору, который светился блеском лунных переливов радости, на которые её обрек Гений, выправивший своё косноязычие поцелуем, то её мир, как раз и перевернулся.

– Я всегда знала. – От этого лунного взгляда Антиохи, с её томным голосом, голова Гения начала постепенно закруживаться (прежде чем начинать переворачивать мир, проверь свой вестибулярный аппарат, а то глядишь, закружишься в вихре любви, которые всегда действуют в этих широтах, и не узнаешь где очнёшься), и он вместо того, чтобы внимательно её дослушать, вновь притянулся к её устам. Что с другой стороны очень даже разумно, и если ты в такой вечерней темноте боишься, что её слова затеряются в темноте, то просто необходимо, быть поближе к источнику образования слов, которые, можно сразу же срывать с этих уст и тут же проглатывать в себя.

– Чего ты знала? – последовал вопрос Гения, после того, как только он и Антиоха наговорились, таким требующим своего обоюдного смышления способом. Ну а Антиоха, как и все особы женского пола, в отличие от мужской части населения, существа более словоохотливые, и поэтому она была бы не прочь, ещё таким удобным способом пообщаться, когда как для Гения, требовалась несколько большая качественная высказанность, на которую он ещё не до конца обрёл своих прав. Так что он, испугавшись за свою несвоевременную несдержанность по отношению к ней, решил сделать этот дыхательный перерыв, дабы потоком свежего воздуха, обречь ясность мысли и скорее всего новых сил.

– А я уже и забыла. – Антиоха своим смехом скрыла своё, только ей известное знание чего-то очень важного, раз она решила таким смешливым способом прикрыть всё это.

– Да неужели. – Скрестив руки на груди, Гений встал напротив неё, в этой, требующей своего ответа стойке.

– Ужели. – Удар дубинкой по голове Гения сзади, послужил ему тем ответом, от которого он не сумел уклониться, и он, познав в полной мере его, рухнул в своё, только ему известное беспомощество.

– Нет. – Закричала Антиоха, бросившись к свалившемуся Гению.

– Да. – Отправив её ногой в нокаут, рассмеялся в ответ один из стоящих здесь дубинщиков, претворивших в жизнь свою философию жизни, где только дубинка в руках предопределяет твою правоту.

Глава 5

Во все времена, вне зависимости от самих времен, всех встречают свои одинаковые утренности

Для каждого просыпающегося утром, а не когда-нибудь после завтрака в четверг или даже обеда в понедельник, что уже есть одно из предположительных для хорошего подъёма условий, в зависимости от его положения, открывается свой, соответствующий его внутреннему состоянию, вид окружающего мира (Интерпретация слова «положение» варьируется, от вашего занимаемого места в обществе, до положения вашего тела в пространстве).

Ну а само тело, может, как опрятно возлежать на расстеленной кровати, так и в обратном порядке – завалиться куда-нибудь в самое пыльное и грязное место в доме, за диван. Ну а в некоторых особенных случаях, зависящих от степени беспокойности вашего характера, оно может завалиться в каком-нибудь хлеву вместе со свиньями, которые как оказывается, очень внимательны к своему собрату и дабы он не ощущал себя обойденным, со всех сторон поприжимались своими боками к нему, который, возможно, не в пример только что открывшего свои глаза засони, чувствует себя отлично.

Но ведь этот мир существует для каждого только через его призму видения, на которое как раз оказывает своё существенное давление, внутреннее состояние самого индивидуума, который, если себя чувствует отлично, то и видит мир цветным, но, а если уж серость поселилась в нём, то уж ничего не поделать и самые яркие краски окружающего мира, очень быстро поблекнут в его глазах.

Но такой характерный взгляд на окружающее, несёт в себе только лишь та человеческая свойственность, которая не отягощена своей занимаемой в структуре общества должностью. Тогда как, для имеющих не только просто глаза, но и осознанность своего важного места в обществе, открытие его глаз по утрам, не есть просто механический процесс, позволяющий только видеть, но в этот же момент, вместе со всем этим, у него включается в работу его служебная обозримость, которая не должна ничего пропустить и дать оценку всему тому, что окажется в зоне его видимости.

Ну и, наверное, и говорить не надо о том, что чем выше ваше занимаемое в обществе положение, то тем и больше ожидающих вашего пробуждения забот, которые разгребаете, разгребаете, а они всё не уменьшаются, а только всё растут. Что даже иногда, некоторые особо заботливые о своём времени служаки, направляют свой взор на восток, где впитывая носом философию не-деяния, начинают таким же духом и вести себя на столь высоких, занимаемых ими должностях.

– Вот же, Аид! – первое, что воскликнул сквозь своё очнувшееся и оторвавшееся от лохани желчи просонье, архонт Демосфен. Чьё утреннее пространственное положение – вне его ложа, говорило о его весёлом характере, который вчера с помощью несколько приличных чарок вина, закрепив себя в нём, возобладал в Демосфене и уже после этого, не дал соскучиться всем тем, кому не удалось избежать встречи с ним. Ну а в конце дня, Демосфен, навеселившись и намотавшись за весь день, и пришёл в такое, ассиметричное своему поведению положение.

– Что за херня. – Демосфен, глядя на эту мерзкую рвотную жидкость в лохани, начал таким словесным образом приводить себя в чувство.

«Желчь вижу, а гордыню не вижу». – Демосфену вспомнились эти слова Антисфена сказанные Платону, из-за чего архонту Демосфену тут же захотелось раскроить об голову этого умника свою лохань, в которой он, кажется, тоже ничего похожего на гордыню не заметил. После чего архонт, устав любоваться этими, не слишком привлекательными видами лохани, перевёл свой, всё ещё мутный взгляд на ложе, находящееся в шаговой близости от него и, собравшись с силами, ползком, с большим трудом взобрался на него.

Которое к его удивлению или может быть к не удивлению, в общем, он сам ещё не разобрался в этом, вдруг оказалось пустым. Ну и спрашивается, как же ему реагировать на столь дерзкий поступок его супружницы, которая поклялась до скончания века согревать и оберегать своим телом его, правда, уже не столь симпатичные и упругие тела, впрочем, кто бы говорил, корова жирная. Архонт мгновенно вскипел от злости, вспомнив, нет, не саму зажившую непривлекательность своей супруги, а то, что его ложе, благодаря этим габаритам его супруги, стало для них слишком тесно и что он в результате этих развалочных действий его супруги Клариссы, часто оказывался на полу.

– И значит. – Демосфен, посмотрев на лохань и на ложе, сопоставив факты, чуть не задохнулся от возмущения, которое пришло к нему вслед за его разгадкой того, что его могло привести к такому несоответствующему его высокому званию архонта – положению на грязном полу.

– У, корова. – Злобно сверкал глазами, изрыгая всякие язвительные слова, решивший всё же не удивляться, с удовольствием развалившийся на всём ложе архонт Демосфен, который частенько по утрам, после очень весело проведенных Дионисий, всегда был несколько более нервнее и невоздержан на свой, как все говорили, длинный язык.

– Вот, чёрт. – Рывкнул архонт и что-то вновь вспомнив, восклицательно дёрнулся. После чего, схватившись за большую голову, подскочил со своего места, переведя его из лежачего в сидячее (А ведь архонт, в своём этимологическом употреблении слова «чёрт», определенно опередил своё время, чему, скорее всего, послужило его вчерашнее пограничное состояние, позволившее ему заглянуть за пределы миров и разумного). А ведь надо заметить, что для архонта, это такое его большое положение после этих праздников Дионисий, уже вошло в привычку. И он уже не совсем мог чётко осознавать, отчего более болела его голова, то ли от его невоздержанности в питье, либо же от всех тех, сваливающихся на его голову проблем и неприятностей, которыми так полны все эти, связанные с Дионисом праздники.

Ну, так всё же, что послужило тому этимологическому новооткрытию архонта, который оставив свою голову в покое, принялся растирать, уже всю раскрасневшуюся от этих растираний шею (А ведь это не лампа Алладина, растерев которую, можно загадывать или лучше, как в данном случае отгадывать, те возникшие утренние загадки, которые, скорее всего, он сам себе и загадал) и, глядя, как оказывается на себя, а вернее сказать, на те обновки, в которые он оказался наряжен, попытался понять, что это такое. И хотя архонт уже давно числился в списках тех, кого ничем и никакой чужой людской слабостью не удивишь, он всё же частенько удивлялся над самим собой, совершенно не понимая, а на что он, не только в часы веселья способен, но и что он ещё может там отчебучить. Правда, эта надетая на него баранья шкура, являющаяся частью маскарадного наряда, одеваемая на праздники Дионисий, в общем-то, вполне гармонировала со всем тем, что происходило на этих праздниках, если бы архонту было на много меньше безответственных лет.

Но всё же, не это было причиной этого эмоционального невроза архонта, которому в такие напряженные для его головы минуты, открывается многого из того, что ему ещё вчера, в трезвом сознании было недоступным. А в накинутой на себя бараньей шкуре, архонт увидел для себя всю свою сермяжную правду, в которой он представал перед собой, не обелённым мудростью архонтом (внешняя его личина, известная всем), а таким же бараном, каким он

был во все времена (внутренняя его сущность, известная ограниченному кругу родственных бараньих душ).

– Как же я посмотрю в глаза членам коллегии? – Сглотнув накопившееся у себя в горле, архонт снова вспотел, вспомнив все эти язвительные рожи, этих членов коллегии, где номинальным председателем числился он.

– Сволочи, будут опять за спиной шептаться, что фортуна не просто благоволит мне со жребием, позволяющим мне занимать эту должность третий год подряд, но и намекает на мою близость к комиссии по жеребьевке. Что, дескать, позволяет мне, войдя в сношения с фортуной, нужным образом выкинуть жребий в мою сторону. – Размышления архонта привели его к вспышке ярости, и если бы на нём не была накинута эта баранья шкура, то он бы очень больно исщипал себя, а так руно, приняло на себя весь этот иступленный гнев архонта. Но потом архонт, вспомнив, далеко не лучшее поведение других членов коллегии, которые, как он смутно, но всё же помнил, вели себя на празднике очень даже вызывающе, кичась своим, на этот раз пьяным положением. Что, между прочим, было ими использовано не только в полной мере, но и очень в личных целях. Так что, не предположительно вероятно, а само собой, разумеясь, сегодня на собрании коллегии, у него будет огромный повод посмеяться, прямо в эти помятые и побитые после праздников лица своих коллег.

– Ну чё, Молон, опять будешь молоть чушь о том, что в темноте перепутал ограду и напоролся на сук, который как все слышали, оказался рогами обманутого мужа, которыми он тебя и забодал. – Демосфен очень весело усмехнулся, представив своего товарища по коллегии Молона, чья вчерашняя разбитость физиономии тем бугаем, сегодня обязательно даст о себе знать, и будет светиться всеми цветами радуги. Что, конечно, никого из членов коллегии не оставит безучастным к нему и обязательно заставит обратиться к Молону с таким сочувственным словом.

– Это печать моего качества, говорящая о том, что я ещё что-то могу, в отличие от некоторых. – На что Молон, как самый молодой из коллегии, подчеркнув это, таким способом, обязательно решит ответно поддеть остальных.

– Ну, если размышлять о том, о чём всё это говорит. То, судя по тому, что твоё лицо раз за разом несёт на себе печати этих качеств, я могу сделать только один вывод. Что история учит человека тому, что человек ничему не учится из истории. – В ответ Молону, не может не поумничать, видимо очень сочувствующий софистам, непонятно каким образом зачесался тут среди этих почтенных мужей, этот явно гражданин только в первом поколении, архонт Гегель. От которого, очень уж насыщено попахивало варварством и который смотрел на всё окружающее, через призму собственного исторического контекста.

– Не учи учёного. – В одну короткую фразу затыкает рот Гегелю Молон, готовый, если что, заткнуть тому рот и своим относительно молодецким кулаком.

– Увидев явную закономерность в результатах серии испытаний, например, выпадение 10000 раз подряд одного и того же варианта из двух возможных, мы будем склонны считать, что испытания не являются случайными. – На сторону Гегеля встает Аминий, скорее всего, тоже состоящий в членах тайного ложа софистов, а может, даже и чего похлеще.

– Ты это на кого намекаешь? – Для Демосфена всякий разговор, завязанный на случае, не может не затронуть его, обвинённого в различных подтасовках голосований (Ну чего ещё говорить, на воре шапка горит) и он, конечно, не может пропустить мимо своих ушей это замечание Аминия, на которого, если он ещё не знает, у него уже есть свой многочисленный компромат.

– Я же не о том. – Аминий пошёл на попятную, испугавшись компромата, о наличии которого, он, конечно, догадывался, раз сам не раз давал повод для этого, частенько заглядывая к гетерам и давля с ними их ложе.

– А, о чём? – слишком суров обращенный на Аминия взгляд Демосфена, отчего тот тушуетя и, разведя в сторону руки, признает неуместность своего высказывания и даже присутствия.

– А мне кажется, что 10000 подряд ударов судьбы, голова Молона не выдержит. – Выказанное, с очень серьезным видом Астифила, обращенное в сторону Молона замечание, заставила всех присутствующих на заседании коллегии архонтов, отбросив все свои дела, воззриться на Молоха и оценив его хлипкую физичность, дружным смехом вынести ему свой вердикт. Надо заметить, это было очень редким явлением в стенах этой высокопарной коллегии, где каждый из девяти членов составляющих эту коллегию, представлял свою лоббистскую группу, состоящую из желающих провести нужное решение в свою пользу. Из-за чего, наверное, и имели место, свои внутри коллегиальные разборки, где время от времени образовывались свои ситуативные альянсы одних против других. Так что можно было ответственно заявить, что единство мнения им только снилось.

– Вот чёрт. Коллегия. – Вновь воскликнул Демосфен, очнувшись от своих воспоминаний, которые напомнили ему о своих обязанностях. И он теперь уже прыскал не от смеха, а от стука молотков по его вискам, с помощью которых его сердце сообщало ему о своём тревожении, вызванным боязливими предчувствиями, которые очень редко его подводят в эти полные разборов после праздничные дни. Теперь же Демосфен, схватился руками за свои виски, для того чтобы унять эту новую боль, которая перебивала все бывшие до этого приступы напоминаний о том веселье, за которое прямо сейчас, ему и приходится расплачиваться по полной.

Правда, на этот раз, не смотря на близкую височную подсказку, Демосфен всё же не мог точно определить, отчего всё-таки у него больше болела голова, то ли вследствие проявленного им усердия, в плане всех его вчерашних злоупотреблений, то ли от всех этих сегодняшних предчувственных ожиданий. Которые, надо заметить, практически никогда не подводили, и чем веселее проходил праздник, тем больше последствий он приносил, и с которыми почему-то, незамедлительно требовалось разобраться. При этом, совершенно почему-то не учитывалось то, что архонты тоже люди, которым ничего человеческого не чуждо, и которым с утра, не то что нужно, а просто необходимо для нормальной работы мозга, как следует выспаться. Хотя, судя по тому, что в гости к Демосфену никто пока не торопится зайти, можно сделать предварительный вывод о том, что возможно на этот раз всё обошлось.

Демосфен, прислушавшись к окружающему и ничего не услышав, ободрённый этой мыслью, уже было хотел вновь прилечь или сходить попить воды, ну а ещё лучше заорать на тех, за кем закреплена эта обязанность поднести ему воды с похмелья, как шум в подворье, сначала лёгким дуновением встревоженной мысли приподнял волосы на его голове, ну а потом по мере возрастания, из-за своего приближения сюда к нему, заставил учащенно забиться сердце архонта, который решил для себя, что он слишком рано обрадовался. Что, в общем-то, было очень верно.

И действительно, ничего не обошлось, как желал того архонт, а просто секретарь, несущий на себе и в себе все эти административные обязанности всё обо всем знать и давать об этом знать, имевшим право на это первоочередное знание, сам можно сказать, вчера не обошёл стороной это празднество. Где одна красотка, воздействовав на секретаря своим очаровательным, завлекающим в дебри безнравственного без сознания взглядом и видом, в общем, таким целеустремленным способом, возымев над ним своё право, увлекла за собой в одно место, о котором сам секретарь, в виду беззаботного своего поведения там, старался не то что распространяться, а в некотором роде, забыть даже то, что в частичках его памяти всплыло вместе с перьями. Которые он теперь был вынужден вытаскивать из своих взлохмаченных волос и что всё вместе, только к самому утру, и позволило ему привести себя в надлежащий деловой вид, с коим он несколько запоздало, и приступил к исполнению своих обязанностей.

– Демосфен, это я. – Несколько упадническим голосом, заявил с порога, появившийся секретарь коллегии, чьё появление, по мере приближения его шагов, казалось уже неотвратимым, но всё же Демосфен до самого последнего шага верил в чудо, которое, как и следовало ожидать, не случилось. А тут ещё, это странное объявление себя секретарем, что, мол, это я, как будто архонт этого сам не видел, да плюс ко всему, такой мёртвый голос секретаря, что даже заставил сердце архонта сжаться. Отчего Демосфену даже стало до тошнотных позывов тошно, глядя на эту ненавистную рожу секретаря, который между тем, в своей типичной внешности, ничем особо противным не выделялся.

При этом почему-то, каждому из архонтов коллегии, он был нестерпимо противен, особенно, если стоило ему улыбнуться при встрече у порога в зал заседаний. Наверное, просто с его физиономией у всех у них ассоциировалась эта их тяжкая служба, протирать своими хитонами ступеньки зала заседаний. Ведь только стоило, по их, опять же единогласному мнению, заменить эту противную рожу секретаря на более привлекательную, то не пройдет и недели, как и эта рожа уже настолько осточертела всем, что хоть и не ходи туда.

Так что архонты, учтя эту логичность установок жизни, где им ничего нельзя поделаться со своим неприятием обязанностей, которые несёт служба, а приятием прав, которые даёт отдых, и поэтому они больше перестали мудрить со сменами секретарей и, остановившись на последнем Фабулусе, так и постановили, что его более-менее противная рожа, так и быть, пусть занимается делопроизводством. Но тут вдруг, неожиданно для самого Демосфена, к нему пришло понимание того, что скорей всего, вкладывал в свою приветственную речь этот, однозначно беспринципный секретарь, возомнивший о себе не вестись что, а то, что он, вот сволочь такая, и есть сам Демосфен.

– На ко, выкуси. Демосфен, это я. – Метал молнии, правда, пока что про себя, всё же ещё сомневающийся в точной своей идентификации, всё ещё трясущийся с утра Демосфен. Который находясь в состоянии присутствия в себе паранойи, всё же сумел узреть в словах секретаря определенный подвох, с помощью которого, этот хитрый секретарь попытался оговорив его, оспорить это, от рождения принадлежащее ему... Нет, точно ему архонту и Демосфену принадлежащее имя.

Вот если бы вчера, этот секретарь, назвав себя Демосфеном, решился бы на такой дерзновенный шаг, то всего вероятней, у него был бы определенный шанс отстоять свою позицию перед валяющимся в грязи, вместе с такими же веселыми свиньями Демосфеном. Который к своему удивлению, в эти откровенные для него минуты, хоть и утратил возможность воспринимать человеческую речь, но зато начал понимать язык всяких животных и в особенности свиней, с кем он в тот момент и перехрюкивался.

Но увы, если всякая сволочь замышляет, то время, всё по своим местам и полочкам расставляет, не давая использовать своё время и место, оставляя свою судьбоносность на плечи всякого носителя своих плеч и головы на них. Так что секретарю, который может быть, даже ничего такого не замышлял, как вчера, так и сегодня, тем не менее, всё равно ничего не светит.

«Ничего не светит, а вот лоханью, ему бы не мешало зарядить». – Подумал Демосфен, начавший уже было сомневаться в своей именной принадлежности, а сомнения всё же, хоть и на мгновение, но появились в голове Демосфена ли? Ведь одежда на нём была не его, всё его тело, включая голову, проявляет, со своими революционными позывами, неуправляемость и т.д и т. п. В общем, надо будет как-нибудь на досуге, поразмыслить над этим волнительным вопросом.

Да и, наверное, супруга, случись ей делать выбор между ним, старым Демосфеном и молодым секретарем лже-Демосфеном, скорей всего бы, выбрала себе молодого.

«Убью, сволочь!». – Демосфен, аж, вскипел от этого предательства его (а его ли?) Клариссы. И с яростью, одновременно посмотрел на застывшего на месте секретаря и на эту лохань с желчью, которую было бы не плохо обрушить на голову этого Фабулуса.

«Нет, лучше схватить того за горло и воткнуть его головой в лохань, чтобы он так, в глубине помоев, наслаждался вкусом моей желчи». – Демосфен, углубившись в лохань, также углубился в свои мысли.

– А ты, Клариссу, разве не встретил? – Демосфен, немного придя в себя от этих мучительных действий, с видами утопления секретаря в лохани, своим вопросом пытается найти зацепки в этой любовной связи между секретарем и Клариссой, в которой он теперь совершенно не сомневался.

– Нет. – Удивившись этому вопросу Демосфена, секретарь, имеющий что другое сказать, начал с этого отрицания.

«Лжёт!». – Заорав про себя, затрясся от осознания своей такой пронизательности Демосфен, заметив изменение лицевых гримас на лице секретаря. Ну а эти гримасы, теперь по его умозрению, выдавали в нём не недоумение, а как раз желание скрыть от него всю правду о своих шашнях с этой паскудой Клариссой.

– Ну, тогда, зачем пришёл? – следует вопрос Демосфена, который сам обалдевает от своего умения стратегически мыслить и задавать интригующие вопросы (а чего ему сюда придать, если только не для Клариссы). Отчего он, воодушевленный сам собой, тут же решает в скором времени выдвинуть свою кандидатуру на должность стратега. На что секретарь, ещё больше удивившись такому направлению разговора, всё-таки списывает это на остаточность вчерашнего злоупотребления, и дабы больше не тратить за зря время, начинает оглушать своими новостями, этого будущего в своих мыслях стратега.

– Демосфен. – С этого именного вступления, начал свою речь секретарь, чем заставил самого Демосфена, ожидающего новых клеветнических заявлений, наострить уши и сжать кулаки. Но секретарь больше не стал утверждать того, что он Демосфен и сам того не ведая, сохранил в целостности свою голову.

– Стучилось страшное. – Начал секретарь, но Демосфен, почувствовав в себе, в так сказать неоспариваемым своим «я» уверенность, решил перебить секретаря, вставив слышанную им где-то рифмическое дополнение к этим словам: «Матери кровь пролил». Улыбаясь одними глазами, Демосфен не сводил своего взгляда с секретаря, который между тем, проявил дерзость и, не оценив эту его шутку, не скрыл своей недовольной гримасы, ставшей невольным ответом на то, что его перебивают. После чего, видимо специально, подобрал самую душещипательную новость, и обрушил её на голову Демосфена.

Видимо, таким образом, секретарь явно рассчитывал на то, чтобы Демосфен, не только потеряет дар речи, но и не сможет, так удачно рифмовать свои словесные ответы. Хотя, возможно и для того, чтобы его прямо тут на кровати, хватил апокалипсический удар (в чём виделись происки его политических противников), от которого он бы не смог оправиться, а этот секретарь, пока он даже ещё не остыл, смог бы, заняв его тёплое местечко рядом с Клариссой, вдоволь посмеяться над ним (в чём уже виделись происки ревностной паранойи Демосфена).

– Убийство. – Ограничившийся только одним этим словом, ошарашил Демосфена секретарь, который с огромным вниманием принялся наблюдать за соответствующей сообщению реакцией Демосфена, который надо признать, сначала было схватился за сердце, но затем, видимо, его мнительность насчёт секретаря и этих его желаний насчёт утех с Клариссой, сделали своё дело и, мобилизовав силы Демосфена, не дала случиться страшному, его кровоизлияния в мозг. После чего, Демосфен, собравшись с силами, изрёк свой вопрос:

– Кто?

Чем, правда, ещё не совсем непонятно чем, своим вопросом или своим не падением в обморок от апокалипсического удара, на который, по мнению Демосфена, так рассчитывали его политические противники, в общем, чем-то одним из этих предположений или всем вместе взятым, очень удивил секретаря. Который, дабы прийти к пониманию ответа на этот вопрос, почесал свой затылок, что-то там посоображав и выдал свою версию видения ситуации:

– Наверное, тот, кому спокойно не живётся.

Чем, уже теперь Демосфена, привёл в полное непонимание того, чего это секретарь тут несёт. Но потом Демосфен, решив снизить до недоуровня умственного развития секретаря, более обстоятельно, с уточнениями задал новый вопрос:

– Ты мне скажи, дурья твоя башка (это замечание, Демосфену, любящему всякие колкости, даже очень понравилось), что конкретно случилось?

На что секретарь, особенно за эту дурью башку, был очень признателен Демосфену, которого он незамедлительно про себя, послал в такие дальние и одновременно близкие области тёмного знания, где перемазавшись этими знаниями, не захочется ничего больше знать и не знать. Ну а после этого посылка, секретарь, несколько удовлетворившись своей мстостью, вернувшись к действительности, решил-таки вразумить эту, уже, по его мнению, дурную Демосфенова башку.

– В районе частного сектора, был обнаружен труп со следами насильственной смерти. По мнению патологоанатома, смерть наступила в полночь, в результате проникающего ранения в грудь. Также рядом с телом жмурика, было обнаружено послание. – Секретарь на одном дыхании, выдав этот блок информации замолчал, для того чтобы наполнить свои лёгкие кислородом и за одно понаблюдать за реакцией Демосфена. На что тот, изумленно глядя на секретаря, хлопал глазами и тоже неограниченно, сверх нормы хапал, пока ещё общественный кислород (его предложение взимать форос с лиц посещающих заповедные места, с их повышенным содержанием чистого воздуха, пока что не нашло достаточной поддержки в обществе).

А как Демосфену не изумиться, когда в его уши вливают столько незнакомых для него слов, где при этом совершенно нельзя подать своего недоуменного виду перед этим недостойным лицом секретаря, в котором явно читается, что ты не понимаешь и половины из всего сказанного (знает гад, что он ни черта не понял и теперь очень скрытно ухмыляется.). «Жмурик, это понятно, что какое-то насекомое, но вот что это за патолог такой, да ещё к тому же анатом, а почему бы не ботаник? Хе-хе. Да уж, только от одного самого звучания этих слов, уже голова идёт кругом. Вот почему я, так не люблю весь этот сухой язык официальных сообщений, в которых ни хрена не поймешь», – размышлял про себя Демосфен, глядя на секретаря. А между тем, он обязан всё проанализировать, дать своё заключение и решить этот вопрос.

– Ну и что ты на всё это думаешь? – Настоящий государственный деятель, чем и отличается от всякого, не отягощенного обязанностями лица, так это тем, что он во всех, даже самых тупиковых случаях, найдёт, что сказать в ответ, даже на самую не проходимую тупость, что и продемонстрировал Демосфен, не раз замеченный якшающимся с демагогами.

– Что без вашего выдающегося ума, будет трудно разобраться. – Ответ секретаря, хоть и польстил Демосфену, но, тем не менее, не смог затуманить его разум, обнаруживший в его с этими демагогическими приемами ответе, скрытое желание секретаря стать в один строй с самыми прославленными мужами Эллады, первым среди которых, по своему праву, считал себя Демосфен.

– Не нравится мне всё это. – Демосфен, наконец-то, ощутив силы, встал со своего ложа и, сделав пару задумчивых шагов, остановившись напротив секретаря, выдал ему эту сакральную фразу.

«Ну, а то». – Так и читался ответ на лице секретаря внимающего Демосфену.

– Говорят, что это мог быть Гермафродит. – Обалдев, от немыслимости этого заявления Фабулуса, Демосфен чуть снова не грохнулся с ног назад в кровать.

– Перестань, нести чушь. – Заорал на него архонт. – Гермафродиты не существуют, это всё миф. – Брызгая слюной, весь зашёлся Демосфен, для которого новое появление этого серийного убийцы, которого все почему-то звали Гермафродитом, и о котором уже не было слышно почти год, было вызовом ему, как должностному лицу, отвечавшему за спокойствие всего полиса и значит, всяким Гермафродитам тут было не место, хотя бы на время, пока он

занимает эту ответственную должность (этот Гермафродит, из-за своей очередности появления, именно в празднования Дионисий, и был за это прозван серийным убийцей).

Говорят, опять же по слухам кого-то там, кому опять же, кто-то там нашептал по секрету на ухо, ну, в общем, из источников очень заслуживающих соответствующей ему веры, он, тот, кто это рассказывал, как-то случайно где-то в подворотне, при лунном свете увидел этого Гермафродита, и что тот хоть и находился в несколько незримой темноте, но зуб даю, определенно нёс в себе видимую двоякость, отражая одновременно в себе мужское и женское «я». Что, по мнению Демосфена, есть немыслимая глупость, которая опровергается уже тем, что всякий праздник Дионисий, несёт для каждого своего участника уже свою, вызванную злоупотреблениями двоякость его видения окружающего. Так что, все ссылки на этих провидцев, однозначно несут в себе неопровержимую и доказательную им глупость.

А ведь при этом народные мифотворцы не спят, и вот уже в народ запущен свой миф о новом герое Гермафродите, который раз в год, в самую лунную ночь Дионисий, незримо наблюдает за тем, как веселятся и ведут себя современные хозяева жизни и, уследив за кем-нибудь из них, его чрезмерность жизненного поведения и сил, возьмёт и где-нибудь в укромном уголке, непременно его подкарауливает, где и наносит свой, обрывающий эту чрезмерность удар.

– Но его же видели. – Секретарь своим упорством, а не даже смыслом своих герма-предположений, ещё больше бесит Демосфена.

– А вот это, ты видел. – Показав кулак секретарю, Демосфен на время сумел сбить того с этой, такой не соответствующей такому сложному времени не своевременной мысли.

– Кто этот твой Гермафродит. Германец что ли? – заявил грозно Демосфен, который, конечно же, вместо слов, лучше и с огромным удовольствием дал бы Фабулусу кулаком в лоб, тем самым поставив на этом разговоре свою очень жирную и беспамятную точку. Но эта, вновь всплывшая на поверхность тема, про этого посланника самого Аида Гермафродита, по заявлениям верующих в него всякого отребья и черни, несущего в мир отмщение за всех обездоленных, униженных и оскорбленных, всё-таки требовала своего обстоятельного разговора, раз даже умеющие не только слушать, но и писать, были склонны этому верить (– Нам не нужны такие герои, – орал на собраниях Демосфен. – Какие времена, такие и герои. – Отвечал ему молчаливый глас метеков и бедствующих сограждан).

– Заруби себе на носу, я два раза не буду повторять. – Пространно заявил Демосфен, упервшись своим взглядом в физиономию секретаря, где он таким намёкливым способом указывал на длинный нос Фабулуса, который, по мнению каждого архонта из коллегии, тот вечно его сует туда, куда не следует. И хотя каждый из архонтов имел у себя в наличии этот предмет гордости, свой выдающийся профильный нос, который служа им указателем по жизни, взирал на мир с высоты своего служебного полета, тем не менее, длиннющий нос Фабулуса, можно сказать, своим несоразмерным с его занимаемым положением размером, не только затмевал всю замечательность на их лицах, но и вносил сумятицу в голову тех граждан, которые делали свои умозаключения и суждения на основании внешних фактов. Что не раз уже приводило к большим недоразумениям, когда этого длинноносого Фабулуса принимали за куда важную персону, чем было на самом деле.

Что же касается этого памятливого для секретаря разглагольствования Демосфена, начало которого, с этими два раза не буду повторять, для секретаря было столь, прямо до истертих дыр в его памяти знакомо, ведь он его, наверное, слышал раз уж сто, то и нечего его винить в том, что он и подошёл к этому слушанью, со всем глубоким вниманием лишь только к себе.

– Я скажу так, некоторые из лиц склонных к сожалениям. Ты, наверное, догадываешься о ком это я? – Демосфен пристально посмотрел на секретаря, где в нём обнаружил требуемое глубокомыслие и выражение задумчивости на лице, отчего пришёл к выводу, что тот, скорее

всего, мысленно перебирает список этих проклятых лиц и, Демосфен, удовлетворившись увиденным, продолжил:

– Они, подобными, не то что мифами, а сказками, подготавливает почву, так сказать, готовят к открытию для себя окна возможностей, этот телепортал, где всякое желаемое, можно будет выдать за действительное и тем самым добиться для себя привилегированного положения.

Демосфен, как и всякий успешный и значимый, как минимум для себя политик, умел заглядывать в будущее, так что наличие в его обиходе таких заумных слов, как «телепортал», не должно никого смущать. Этим, наверное, и объясняется тот факт, что многих выдающихся политических деятелей и в особенности политэкономистов, недооцененных при их жизни, но очень, невзирая на запущенную подобными деятелями присказку: «О мёртвых, либо хорошо, либо ничего», с большой матерной буквы оцененных после неё, совершенно не понимают их современники, для которых эти все их словесные мудрствования даже кажутся каким-то бредом. «Чё он опять там нахер наплёл». – Даже самые верные соратники, зачастую не находили хоть какой-то толики разумности в высказываниях своего премьер-видного единомышленника, который в очередной раз так загнул, что, наверное, и сам ничего не понял из того, что сказал.

Когда как на самом деле, они просто умеют заглядывать в будущее и, вытаскивая оттуда повседневные для будущего слова, определенно забываясь от этого успеха, так совсем несвоевременно используют их. И из-за этого порочного круга, так и нет пророка в своем отечестве. Так что, можно сказать, что Демосфен определенно видел то, о чём говорил и, зная обиходную мудрость «всему своё время», пытался предотвратить физическое появление или материализацию всех этих пользовательских, нестерпимых для не достигших уровня понимания всего этого толерантного состояния души слов.

– Всё это политика, так что запомни. Нет никакого Гермафродита и точка. – Взгляд Демосфена всё столь же грозен, на что секретарь, умудрённый опытом, не спешит что-то отвечать, чего от него собственно не требуется, и только покачивая головой, всё также смотрит вглубь себя.

– Говоришь, рядом с ним было обнаружено послание? – закончив первую мысль, перевёл тему разговора Демосфен, который всё-таки что-то для себя понял, из всего до этого сказанного секретарем. Который, между тем, гад такой, не удосуживается отвечать, как того следовало, а теперь только лишь кивает в ответ.

– Ну и что за послание? – Демосфен просто поражается, почему ему ещё приходится дополнять свой вопрос, который уже в себе подразумевал это дополнение. На что секретарь, теперь уже не смог ограничиться просто киванием, да и Морзе, даже ещё не был в перспективах, так что ему не оставалось ничего другого делать, как раскрыв рот, выдать требуемую информацию.

– Что я понял, прекрасно. Чего не понял, наверное, тоже. – Выданное секретарем вслух, вновь заставило Демосфена удивившись, сдавить складки на лбу, что надо заметить, ведёт к преждевременному появлению лобовых морщин (что поделать, такова участь всех думающих людей, которые в своих складках лба, несут в мир огромный груз мудрости).

– Мудрёно. – Только и нашёлся, что ответить Демосфен на это.

– А-га и несколько даже длинновато. – Секретарь всё-таки, несколько бестактен, раз забежав вперед батъки, уже начинает анализировать эту надпись. Что, конечно, не могло пройти мимо ушей Демосфена, чей взгляд наполнился суровостью, но внезапная возникшая в его голове мысль, вдруг разогнала эти сгущающиеся над головой секретаря тучи и Демосфен, как все великие мужи Эллады, обладавший большой рассеянностью, дабы не забыть эту озарившую его мысль, сразу же выдал её в свет.

– Если нет краткости в изречениях, то первое, что можно сказать, так это то, что он не латин. – Выдав эту истину, Демосфен, не смотря на то, что он в своих умозрениях вознесся к небесам, всё-таки бросил свой взгляд на секретаря. Ну а его реакция на этот раз была должной его ожиданиям, и секретарь, поразившись такой пронизательности Демосфена, хоть и не рассыпался в должных комплиментах, но по его горящему и внимающему ему взгляду, было видно всё его потрясение, которое он испытал, услышав эту непреложность.

– И что вы ещё скажите? – секретарь не смог сдержаться и можно сказать, уже требовал новой порции откровений (в его вопрошающем предложении, уж очень явно не хватало обращения типа мастер, что на заре цивилизации, пока что ещё не вошло в обиход. Что, со временем, будет учтено последующими поколениями и взято на вооружение, правда, в основном приверженцами восточного пути или дао развития человечества).

– Так, раз он умеет писать, то он не безграмотен. – Демосфен своей логичностью рассуждений, просто сбивает секретаря с мысли, которая даже при самом ревностном неприятии этих заявлений Демосфена, не могла бы ничего существенно ему возразить.

– Ну, а раз он не безграмотен, то он однозначно гражданин Эллады. – Демосфен, следуя своей логической цепочке, не требует на неё ответов от секретаря, видимого благоговения которого перед Демосфеном, будет достаточно, с чем тот и продолжает своё умозрительное расследование. – В своем послании, этот преступник определенно претендует на мудрость, которая, как все знают в Элладе, преподается... – Демосфен внимательно посмотрел на секретаря, который поняв этот взгляд, добавил требуемое от него окончание: «Академиях Платона».

– А вот тут то, для нас уже открывается своё широкое поле для деятельности. – Демосфен проговорив, плотоядно облизнулся при виде рожи этого, не желающего делиться с ним электоратом Платона, к которому он явится с повесткой на допрос, а уж потом посмотрим, кто из нас больший умник.

– Вы это о чём? – не умеющий заглядывать в чужие мысли, а также видеть дальше своего собственного носа, секретарь на этот раз, своим недопониманием не вывел из себя Демосфена, а в некотором роде, вызвал в нём одобрение его тупизму, который в дозированных объемах обязательно должен присутствовать у каждого хорошего секретаря. Чем, наверное, Фабулус и пленил сердца архонтов, не любящих, как и всякий из людей, кого-то более умного, чем ты – наипоследнейший дурак. Или наипервейший? Что требует для себя обстоятельного рассудительного размышления. Ведь, если ты наипоследнейший дурак, то это, вообще, что собственно значит? Твою дурачность или умность. Ну, а если ты наипервейший, то опять же встаёт этот же умозрительный вопрос. Хотя, если ты выбился в первейшие ряды, то это уже что-то значит. И выходит, что в данном вопросе, надо отталкиваться от этой числовой очередности, где всё-таки именно место красит и определяет человека и его дурачность.

– Ну, ты же знаешь всех этих наших академических мудрецов. Стоит только должным образом подойти к делу, то тут уж, они так расстараятся в обелении друг друга, что только и успевай запоминать, кто кого и чего, и так далее. К тому же, плюс ко всему и нашему преступнику, мы, даже не стараясь, обнаружим все тайные залежи мудрости наших академиков (Не зря же академию называли так, в честь местности носящей название Академа, которая в свою очередь, получила свое имя в честь этого героя Академа, который и прославился лишь тем, что указал братьям Кастору и Полидевку место, где была укрыта их сестра Елена, похищенная Тесеем. В общем, одно слово стукач, что ожидаемо услышать и от этих продолжателей, если не его дела, то носящих его имя деятелей), найдём то, что уже не надеялись найти, обязательно раскроем несколько подготовленных заговоров с их активными членами, ну и главное, получим свои практические доказательства, любимому мною изречению: «всё тайное когда-нибудь становится явным». – Демосфен замолчал и, оскалившись, многозначительно посмотрел на секретаря, чья любовная связь с Клариссой будет скоро им раскрыта, и это дело всего лишь времени.

– Это, конечно, верно, но судя по поэтичности, так и сквозящей в этом послании, нельзя снимать со счёта и наши поэтические круги, в которых не в пример мыслителям, кипят страсти и бушует экспрессия. – Секретарь к раздражению Демосфена, вновь взялся, не только за своё использование непонятных для него слов, но и к тому же дерзнул на своё собственное мнение, идущее вразрез с его собственным. Что, конечно же, недопустимо, но между тем, Демосфен, по этой не сдержанности секретаря, понял для себя то, что этот Фабулус правильно воспринял его деморализующий взгляд, и этим своим дерзновенным выпадом, попытался сбить его с главной парализующей его сознание ревностной мысли. Отчего Демосфен, всё больше испытывающий трепет к своему пронизательному уму, усмехнулся над этой наивностью Фабулуса, с его натужными попытками избежать неотвратимого рока, и преисполненный нисхождения к этой ничтожности, заявил:

– Ну, раз ты такой умный, так и займись этими поклонниками Мельпомены. Да и насчёт надписи, надо о ней должно позаботиться.

– Серьезно? – К удивлению Демосфена, секретарь, явно тайный театрал, определенно воодушевился этим его поручением. На что, ему, конечно же, сразу хотелось заявить что-нибудь наперекор, но архонту ничего в голову не пришло и поэтому пришлось повториться, правда, только утверждающе, за секретарем:

– Seriously. – И как только Демосфен, этим своим ответом уполномочил секретаря на действия, то тот, по всей видимости, сразу потерял свой интерес к своему нахождению здесь (который, в общем-то, присутствовал только в стадии служебной необходимости), что и вылилось к потере выразительности его лицевых мышц, которые слившись в одну безучастную массу, теперь представляли из себя безликую маску, с которой разве захочется общаться.

Так и Демосфен, бросив ещё несколько своих уничижительных замечаний на счёт секретаря, на которые тому было до одного места, и не почувствовал в себе удовлетворения, тем самым, посчитав продолжение дальнейшего разговора пустым делом, ещё раз бросил свой запоминающийся взгляд на секретаря, и получив от того блок с дополнительной информацией о менее значимых происшествиях, как очередных стычках между фанатскими группировками сторонников Евклида и Архимеда, а также последующими задержаниями нескольких зачинщиков драк и других нарушителей общественного порядка, отправил-таки Фабулуса во свои восвосяси.

– Ну, давай, придурок. – Внутренний Фабулус, разительно сильно отличался от своего внешнего благопристойного Фабулуса, имея не только не сдержанный язык, готовый поносить всех и вся, но и такие мысли, от которых, пожалуй, узнай вы о них, то ваш внутренний мир бы содрогнулся, узрев эту откровенность, которую когда-нибудь назовут апокалипсисом. Так что, не было ничего удивительного в том, что внутренний Фабулус, побуждаемый своей характерностью, таким нелицеприятным для Демосфена образом, попрощался с ним.

Впрочем, внутренний Фабулус, как он считал, а на это была масса своих побуждающих причин, где одной из самых главных, значилась оплошность Демосфена, так и не спросившего о принадлежности самого трупа, который, как уже выяснил («Поэтичность послания, всяко должна была вести к этому кружку трагиков», – озарила Фабулуса мысль, приведшая его в эти театральные места) Фабулус, был когда-то начинающим сочинителем, который, как опять же всё уже разнюхал Фабулус, был отвергнут Софоклом. «Посмотрим», – Фабулус, так многозначительно посмотрел внутрь себя, что если бы Демосфен, увидел этот его взгляд, то, пожалуй бы, даже вздрогнул.

– Достал уже, придурок. – Бросил в спину удаляющемуся Фабулусу слово Демосфен, который своим тождественным с Фабулусом идентифицированием самого секретаря, в чём виделась их схожесть умонастроений и даже определенная общность характеров. Хотя, возможно, всему виной, стало своё правило жизни, гласящее: «с кем поведешься, от того и наберёшься», а чего не жалко, так это всякой дурости, которую в первую очередь и хапают дорвав-

шиеся до бесплатного... однозначно сыра, соответственно находящегося в своем естественном местонахождении (на самом деле, это очень глубокая мысль).

После чего Демосфен, подуставший от этого общения с секретарем, сплюнул в лохань и уже было хотел потянуться, как внезапно озарившая (почему-то все эти внезапные озарения приводят к обратному эффекту, к потемнению в душе и глазах) голову Демосфена памятливая и испугавшая его мысль, как и было предначертано выше в скобках, омрачило его душу, заставив вырваться наружу эмоциональный выкрик:

– Антиоха!

После чего Демосфен в растерянности зачем-то посмотрел по сторонам, видимо стараясь где-то в углу обнаружить эту, имеющуюся хорошо прятаться Антиоху, и не обнаружив её, снова грохнулся на своё ложе.

«А где же Антиоха?» – потирая лоб, спросил себя Демосфен, который видимо опять приняв свой лоб за лампу Алладина, таким образом, пытался решить для себя эту загадку.

«А часом он, опять вчера не взялся за своё, и кнутом и своим пьяным примером, случаем не принялся воспитывать свою приёмную дочь Антиоху». – Мысли одна за другой, морщинами начали бороздить его взмокший от этих тягостных раздумий лоб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.